
---

*Здесь обрывается Россия
Над морем Черным и глухим.*

*Аминад Шполянский
(Дон-Аминадо)*

Часть III

**НА ЧУЖИХ
БЕРЕГАХ**

ИЗГНАННИКИ

*Не верю я, что нет другой Руси,
Ведь что-то выжить помогает.
И вновь молю: «Помилуй и спаси»
Пока душа еще страдает.*

Н. Белоконева

...Ясным весенним апрельским днем 1920 года на константинопольском рейде поднял якорь английский дредноут «Мальборо», взявший курс на запад. На его борту находился бывший главнокомандующий вооруженными силами юга России генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. Два дня назад прибывший сюда на английском миноносце из Феодосии, он в последний раз смотрел в ту сторону, где осталось Черное море, а за ним Россия. Со своей семьей и детьми генерала Л. Г. Корнилова он с каждой минутой отдалялся от родных пределов. Отдалялся навсегда...

Осталась позади целая эпоха истории России, в которой ему довелось сыграть одну из ведущих ролей в политическом театре контрреволюции и Белого движения.

Впереди — другая жизнь, чужие границы, полная неизвестность...

Антон Иванович Деникин влился в многомиллионный легион изгнанных революцией русских людей — белых эмигрантов.

Белая эмиграция — родное, но не любимое дитя революции и Гражданской войны в России (1917—1920)...

Изгнанники... Какой скорбью наполняется это слово, когда речь заходит о белой эмиграции!

Рас-стояния: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

В траурной музыке четверостишия и спустя почти 80 лет с того момента, когда Марина Цветаева его написала, чув-

ствуешь боль наших соотечественников, потерявших Россию. Навсегда...

А было их, насильно лишенных Отчизны, тех, кто прошел свой тяжкий путь из ниоткуда в никуда, по разным оценкам, от 1,5 до 2 млн человек! Для сравнения: в результате, например, Великой французской революции лишилось Отечества 150 тысяч человек. Разумеется, это была людская масса, исключительно пестрая по своему социальному составу, хотя и называлась белой эмиграцией.

Вспоминает великий князь Александр Михайлович:

«Адвокаты и врачи, художники и писатели, банкиры и купцы, политики и предприниматели, крестьяне и домовладельцы — все сословия российского населения были представлены в квартале Пасси, облюбованном беженцами без видимых причин, если не считать того, что это был самый дорогой и престижный район Парижа. Им пришлось покинуть Россию отчасти из страха быть расстрелянными, отчасти потому, что понимали, что в государстве, управляемом Советами, им места не будет...»

Главная особенность белой эмиграции — наличие ядра в лице контингента разбитых белых армий. За 5 дней ноября 1920 года, после разгрома врангелевских войск, из Крыма на константинопольский рейд прибыло примерно 150 тысяч человек, из них более 70 тысяч личного состава русской армии барона Врангеля, то есть более 46 процентов. В литературе русского зарубежья в различное время проводились подсчеты, свидетельствующие, что белое воинство составляло почти половину изгнанников¹.

Военное ядро белой эмиграции существенным образом влияло на все стороны бытия эмигрантского социума, и, прежде всего, через воссозданную сеть военно-учебных заведений: зарубежные военные курсы генерала Головина, более 55 кружков военного самообразования, более 10 военных училищ, средних школ и курсов, 3 кадетских корпуса. Идеологическое и психологическое воздействие на умы и сердца эмигрантов оказывали более 100 военных периодических изданий различной ориентации и направленности.

«Нищие в массе своей, — писал военный эмигрантский деятель Б. Штейфон, — мы создали такую военную прессу, какой не имеют многие государства».

Белая эмиграция — составная часть более широкой общности — российского зарубежья. Активное социально-политическое функционирование именно белой эмиграции, причем по нисходящей, занимает период с 1920 по 1945 год. После Второй мировой войны и примерно до начала 60-х го-

дов XX века происходила довольно быстрая потеря специфических черт белоэмигрантской общности.

Но самой мощной силой в белой эмиграции стал Русский общевоинский союз (РОВС). Он оставил самый заметный след в политической жизни русской эмиграции в 20—30-х годах прошлого столетия.

Его создатель — генерал Врангель, подписавший 1 сентября 1924 года приказ № 35 по русской армии². Это стало начальной точкой отсчета истории уникальной организации белого офицерства в изгнании.

11 сентября Врангель дал секретные указания должностным лицам о главном предназначении РОВС — сохранении русской армии в новом виде, в связи с изменившейся конкретно-исторической обстановкой (см. Приложение 23).

Предтеча РОВС — организационная работа Врангеля и его соратников по сохранению остатков белых армий в эмиграции. Аналитики Коминтерна сообщали в секретариат Ленина, что Врангель рассчитывает при помощи союзников сохранить почти 70-тысячную армию и до 1 мая 1921 года высадиться в одном из пунктов Черноморского побережья Советской России³.

Остатки русской армии были сведены в три корпуса и размещены в лагерях на Галлипольском полуострове (1-й армейский корпус), на острове Лемнос и в районе Чалтаджи, в 50 км от Константинополя (Донской и Кубанский казачьи корпуса). В счет их содержания были переданы французским властям русские корабли, задействованные в эвакуации белых. Среди них 2 линкора, 2 крейсера, 10 миноносцев, 4 субмарины, 12 других кораблей. В 1932 году многие из них были проданы на слом.

Армия находилась в невероятно трудных условиях, о чем сохранились воспоминания очевидцев — участников «галлиполийского сидения»⁴. Однако Врангелю удалось (правда, не до конца и не с тем качеством, как хотелось бы) решить главную задачу: создать в галлиполийских лагерях «надежный и вполне подготовленный кадр будущей армии».

В 1921 году личный состав 1-го армейского корпуса составлял: офицеров — 9540; «нижних чинов» — 15 617; чиновников — 569; врачей — 142. Всего — 25 868 человек. В период пребывания корпуса в Галлиполи развернули деятельность 6 военных училищ, в которых к октябрю 1921 года насчитывалось 187 офицеров, 72 чиновника, 1482 юнкера и 184 солдата. В Галлиполи были произведены в офицеры 383 юнкера, а история русских военных вузов в изгнании продолжалась и после переезда армии на Балканы.

В Галлиполи состоялось 7 торжественных парадов в честь традиционного праздника Георгиевских кавалеров.

Для подъема морального духа войск врангелевское командование выпускало «Информационный листок», напечатанный на машинке. Он распространялся среди солдат и офицеров. И в каждом листке был обзор положения в Советской России, «о восстаниях, о последних днях большевиков» и т. д.

Но не все было так хорошо во времена «галлиполийского сидения», как иногда это описывается в постсоветской историографии⁵.

Приходилось прибегать и к репрессиям. Только в 1-м армейском корпусе военно-полевому суду были преданы, по официальным данным, 75 солдат и офицеров, а 178 осуждены корпусными судами. Виновные приговаривались к смертной казни, к каторжным работам и арестантским отделениям, около 40 солдат и офицеров были разжалованы в рядовые.

Неимоверно трудные материально-бытовые условия, оторванность от России, недопонимание, неясность целей дальнейшей борьбы, неуверенность в завтрашнем дне, тоска по Родине и стремление вернуться в Россию или, по крайней мере, покинуть ряды армии поразили многих военных эмигрантов.

В мае 1921 года, в ходе переброски войск на Балканы, Врангель издал приказ:

«...Те, кто в силу своего слабого здоровья или по каким бы то ни было другим причинам чувствует себя не в состоянии больше оставаться в рядах армии, должны в трехдневный срок заявить об этом по команде — они будут переведены на беженское положение». Около 20 процентов личного состава армии, воспользовавшись предоставленной возможностью, покинули ее ряды и перешли в категорию беженцев».

Еще сложнее было морально-психологическое состояние казаков. На острове Лемнос разброда и шатаний было больше, нежели в галлиполийских лагерях. Из 40 тысяч строевых казаков в Советскую Россию вернулось более 7100 человек.

Малоэффективными оказались и усилия Врангеля по формированию своего рода правительства России в изгнании — Русского совета. Он официально был объявлен преемственным носителем законной власти, объединяющим силы, «борющиеся против большевиков». За такими усилиями барона-изгнанника внимательно следили, как явствует из архивных документов, аналитики Коминтерна.

В докладах в Москву особо подчеркивалось, что в Русском совете нет единства. Но уже на первом заседании 5 апреля

1921 года в Константинополе он пытался потребовать от западных правительств объявления ультиматума Советской власти. Русский совет оказался аморфной организацией, с которой, по признанию Врангеля, никто особенно не считался. Попытка объединить вокруг него и армии «национально-мыслящих людей» закончилась неудачей⁶.

На создание РОВС Врангеля подтолкнуло и то, что союзники сорвали де-факто его попытки сохранить остатки армии. В апреле 1921 года Франция закрыла ему кредит. Как следствие, контингенты его войск передислоцировались, по договоренности с правительствами, в Болгарию, Югославию, Венгрию и Чехословакию. Все это происходило на фоне укрепляющегося международного авторитета Советской России.

РОВС, судя по программным документам, официально не выставлял монархических лозунгов. Форма политического устройства будущей России в моделях, разработанных идеологами союза, официально не определялась.

Подобное обуславливалось тем, что военные организации белой эмиграции в своих программах исходили из принципа непредрешенчества, оставляя выбор формы власти на решение всенародного собрания, которое будет созвано после освобождения России от большевиков. Даже больше, РОВС обязывал своих членов строго придерживаться принципа неучастия в политике. Врангель, например, требовал от офицерских организаций следующее: если они пожелают вступить в РОВС, то они обязаны выйти из состава других политических объединений.

Однако в протоколе заседания Высшего монархического совета, проходившего в сентябре 1931 года, зафиксировано, что ВМС полностью поддерживал РОВС, признавал его большое значение, так как союз поддерживал воинский дух, вел противобольшевистскую борьбу. Совет констатировал, что поддерживает с РОВС тесную связь и «помогает ему во всех начинаниях».

Между тем не все военные организации строго придерживались принципа непредрешенчества, что им навязывало командование РОВС.

В 20—30-е годы XX столетия РОВС стал реальной силой. Он развернул свои отделы и отделения во многих странах, сначала в Европе, а потом в Америке и Китае (см. Приложение 24). Секретный документ РОВС, ставший достоянием Разведуправления РККА, свидетельствует, что, по данным командования союза, количество русских беженцев, которых можно было поставить в строй, достигло 1 млн 158

тысяч человек. Все они, как говорилось в документе, были преданы белой идее⁷.

Организация развернула активную антисоветскую деятельность, в том числе диверсионно-террористическую, против СССР. Вдохновитель террора — генерал Кутепов. В 1928 году после смерти Врангеля Александр Павлович назначается председателем РОВС. Кутепов слишком уверовал в свое, как показала история, поверхностное видение перспектив дальнейшей борьбы.

Он рассуждал примерно так:

«Россия вкусила обещанного рая, и отныне Гражданская война примет другой характер. Есть точные данные: Россия кипит мелкими крестьянскими восстаниями, ее терзают карательные отряды. Она примкнет к выступлению РОВС, офицерские кадры готовы. Хоть завтра сажай на десантные суда.

Для начала следует высадиться где-то на юге, в районе Кавказа; высадиться небольшими силами, дабы иметь маневренность, а уж народное восстание сметет большевиков...»

Однако усилиями ОГПУ диверсионная деятельность РОВС, о которых мечтал Кутепов, была фактически нейтрализована. Да и сам Александр Павлович был обречен. В середине января его похищают на парижской улице агенты ОГПУ...

Внутри РОВС подобная тактика, как свидетельствуют архивные документы, удовлетворяла не всех. В 1930 году, с приходом к руководству союзом генерала Е. К. Миллера, в тактике союза произошли изменения. Террор отодвинулся на второй план. Был взят курс на подготовку крупных выступлений против СССР. Но диверсионно-террористическая, шпионская деятельность против СССР продолжалась. Так, из справки НКВД следует, что в 1937 году только на Урале было арестовано 399 человек, причастных к антисоветской деятельности РОВС на территории СССР.

Со второй половины 30-х годов прошлого века в организации обострились центробежные процессы, вспыхнула генеральская склока. От РОВС стали отделяться мелкие группы. Провалилась акция с посылкой добровольцев к Франко в Испанию. Понятно, что ее сорвали в первую очередь французские власти, симпатизировавшие республиканцам и перекрывшие франко-испанскую границу. Но факт остается фактом. От РОВС в Испанию попало лишь 72 волонтера, влившихся в вооруженные формирования франкистов. Из них 34 погибло, 9 — получили ранения.

Руководство РОВС предпринимало отчаянные попытки по консолидации сил. Но особых успехов не добилось.

После переговоров с нацистами фон Лампе в Берлине в 1932 году союз установил контакты с Гитлером, рвущимся к власти в Германии. В 1938 году Лампе возглавил Объединение русских воинских союзов (ОРВС), в которое к 1938 году был преобразован 2-й отдел РОВС. Организация выступила с инициативой участия эмигрантов в войне против СССР. К весне 1941 года роль ОРВС резко возросла, так как на подвластной Гитлеру территории оказалось четыре из шести европейских отделов РОВС, и Лампе было гораздо легче связываться с ними, чем находящемуся в Брюсселе председателю РОВС генералу А. П. Архангельскому.

Великая Отечественная война — та разгранлиния, где белым офицерам приходилось делать тяжелый нравственный выбор. Не случайно и члены РОВС разошлись по разные стороны баррикад. Лампе пытался предложить услуги добровольцев-ровсовцев фашистскому командованию. Энтузиасты среди экс-поручиков и экс-капитанов нашлись: многие из них наивно полагали, что станут драться со Сталиным, но не с русским народом. Глупо, конечно.

Но нацистское руководство гитлеровской Германии не проявило особого энтузиазма.

В официальном ответе на имя Лампе отмечалось, что в настоящее время чины ОРВС «не могут быть применены в немецкой армии».

Боялись фашистские бонзы белых офицеров...

Отказ фашистского командования не охладил, однако, пыл некоторых офицеров-изгнанников. По сообщению уполномоченного по делам русской эмиграции во Франции Ю. С. Жеребкова, он совместно с начальником 1-го отдела РОВС генералом Н. Н. Головиным зарегистрировал более 1,5 тысячи офицеров, изъявивших желание безоговорочно участвовать в борьбе с большевизмом.

Из этого числа на фронт было отправлено сначала около 200 человек, которые получили специальную форму, отдаленно напоминавшую форму старой русской армии. Немецкое фронтовое командование было довольно ими. Но уже с июня 1942 года по требованию высшего гитлеровского командования отправка офицеров-эмигрантов на Восток прекратилась. Более того, затем участие эмигрантов, равно как и представителей старой интеллигенции, было строго запрещено, а бывших белых офицеров, за очень редким исключением, отозвали с фронта.

Однако не все рядовые члены РОВС поддерживали фашистские симпатии своих руководителей. Многие из них попали, например, в движение Сопротивления, где сложи-

ли свои головы на алтарь общей победы над «коричневой чумой».

После Второй мировой войны РОВС заметно слабел в идейно-политическом и организационном отношении. Не прошли здесь, видимо, даром политические игры его руководства с Гитлером.

Однако нельзя не сказать, что РОВС сохранил бесценный исторический материал. Союз спас и сохранил 50 боевых знамен и штандартов императорской и белых армий, имеющих не только военно-историческую, культурную, но и духовно-нравственную ценность.

Вот такая непростая история РОВС — самой мощной силы белой эмиграции. Думается, что на данном исследовательском поле ученых ждет еще много интересных открытий.

НА БЕРЕГАХ ТУМАННОГО АЛЬБИОНА

*Который уж, ну, который — март?!
Разбили нас, — как колоду карт!*

М. Цветаева

Пасмурным майским воскресным днем 1920 года военный министр Великобритании Уинстон Черчилль давал в своей резиденции обед в честь бывшего главнокомандующего вооруженными силами юга России генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина. Вождь Белого дела в прошлом, а теперь изгнанник, держался скованно.

Собеседники все время возвращались к недавно минувшим событиям. Почему случилось так, что некогда могущественный генерал, единоличный военный диктатор в мгновение ока стал эмигрантом? В чем причина краха белых? Черчилль с Деникиным мучительно искали ответы на эти непростые вопросы.

Вдруг в разговор вмешался, внимательно слушавший до этого маститых собеседников, сын английского военного министра юный Рендольф.

— Мистер Деникин, разрешите уточнить...

— Рендольф! — перебил сына сэр Уинстон. — Я попрошу не обращаться к нашему гостю «мистер Деникин». Он генерал русской армии, нашей союзницы в войне против немцев. Обращайтесь к нему, по крайней мере, «ваше превосходительство...».

— Хорошо, отец! Простите, ваше превосходительство! И все-таки разрешите спросить?

— Пожалуйста, — разрешил Антон Иванович.
— Сколько большевиков вы убили своими руками?
— Моими руками? Ни одного, — ответил Деникин.
— Как ни одного! — удивился юный отпрыск. — Вы же воевали с большевиками, и ни одного из них не убили?
— Представьте себе, да!
— Странно все это, — разочарованно вздохнул Рендольф.
— Ничего тут странного нет, — вступил в разговор Черчилль. — Впрочем, сын, вырастешь, тогда и поймешь...

...После печального морского путешествия семья Деникиных прибыла в Лондон в апреле 1920 года.

«Генерал Деникин — один из лидеров, наиболее достойно проявивших себя в войне, прибыл к нам в поисках убежища и необходимого отдыха».

«У нас есть долг признательности и уважения по отношению к Деникину и всем тем, кто боролся с ним рядом для уничтожения гнусной тирании, истинную природу которой наш народ начал понимать только сейчас».

«17 апреля в 2 часа 40 минут его поезд из Саутгемптона подошел к вокзалу Ватерлоо. Пришедшие встречать русские сначала стояли неподвижно и в полном молчании, но вскоре произошло движение, у многих заблестели в глазах слезы».

Вот такими сообщениями пестрили тогда английские ведущие газеты.

В продаже появились даже почтовые открытки. На них была изображена группа людей в штатском (высокие шляпы или котелки) и в военном, окружающая коренастого человека в центре, одетого в походный френч и фуражку из твида (купленную во время остановки на Мальте), или же женщину в косынке с закутанным ребенком на руках.

«Прибытие генерала Деникина в Лондон», «Дочь генерала Деникина и ее няня» — аннотировались фото.

На вокзале множество машин военного министерства ждали почетных гостей, чтобы отвести их в отель «Кадоген». Антон Иванович тепло поблагодарил британцев за их прием, но, оставшись один на один в роскошных апартаментах, которые были для них зарезервированы, воскликнул:

— Господи, они совершенно ничего не понимают! Они не отдают себе отчета, в каком мы находимся положении. Как я могу оплачивать пребывание в этом отеле, безусловно, самом дорогом в Лондоне?

«Высоких гостей» было... одиннадцать человек: помимо семьи Деникина (четыре человека), няня, ординарец, Шапрон дю Ларре и его помощник Гришин, Наталия и Георгий Корниловы, Надя Колоколова, сирота, которую Ася

взяла в свой дом в Екатеринодаре. Она считалась племянницей генерала, что облегчало ей оформление эмиграционных документов. Отставной главком ВСЮР обратился за помощью к русскому послу в Великобритании.

— Я буду вам искренне признателен, если вы мне разменяете эти деньги на фунты стерлингов и шиллинги. Вот 23 000 царских рублей, около 400 керенок, несколько австрийских крон, турецкие лиры и это коробка, в которой содержится 49 рублей в старинных монетах по десять копеек. Они из серебра и потому должны иметь ценность.

Назначенные Керенским русские послы остались на своем посту после падения Временного правительства и считали себя представителями белой армии. Лишившись официального начальства, они отсылали свои рапорты сначала бывшему царскому министру иностранных дел, находившемуся за границей, затем назначенному на этот пост Колчаком Сазонову, эмигрировавшему в Париж.

Именно ему Саблин писал о своем свидании с Деникиным следующее:

«На сегодняшний день производится обмен 1800 рублей на фунт стерлингов, австрийские кроны и турецкие лиры вообще не подлежат обмену, копейки стоят гораздо меньше их металлического эквивалента. Я не смог извлечь из всего этого — больше 20 фунтов. Это все, что есть у бывшего главнокомандующего».

Черчилль, узнав об этом рапорте, пригласил к себе русского посла:

— Примут ли ваши соотечественники меры, чтобы восполнить данный недостаток средств? Если нет, то ряд членов парламента, и я в том числе, готовы оказать содействие генералу Деникину.

Посол предупредил об этом генерала, но тот с возмущением отказался принять подобное благодеяние, заявив, что он будет зарабатывать себе на жизнь своим пером, издавая мемуары. А пока покинет отель «Кадоген» и поселится с семьей в скромном доме, который нашел для него Хольман в предместье Сассекса. Каждый из его домочадцев попытался продать имеющиеся у него драгоценности. У Ксении Васильевны их почти не было, и ей пришлось расстаться с великолепным серебряным сервизом, украшенным гербами, который ей достался от прабабушки баронессы Энгельгардт.

Вспоминает Марина Антоновна:

«В 1928 году мои родители были приглашены на обед в посольство Чехословакии в Париже. Мария Петровна, жена посла, была русской по происхождению и познакомилась с нами

во время летнего отпуска в Капбретоне. На следующий день моя мать рассказывала:

— Как только я села за стол, я сразу же узнала мой старый серебряный сервиз, который я продала еще в Англии. Твой отец, несмотря на мои подмигивания, конечно же, ничего не заметил. Кто-то сделал хозяйке дома комплимент за хороший стол и выразил свое восхищение гербами на вилках и ложках. И как ты думаешь, что Мария Петровна осмелилась ответить? Она сказала: — Да, этот серебряный сервиз очень древний. Он достался мне от моей прабабушки!..»

На следующий день после своего приезда на британскую землю Деникин послал королю телеграмму с благодарностью и вместе с Хольманом нанес визит Уинстону Черчиллю.

Отклонив многие поступающие предложения, Деникин считал себя обязанным принять два из них: приглашение на банкет, организованный в его честь в палате общин, и приглашение графини Брасовой.

Графиня Брасова, по происхождению русская, принадлежала к самому высшему обществу. Дочь известного московского адвоката Шереметьевского, она еще очень молодой вышла замуж за Мамонтова, но вскоре развелась и стала женой гвардейского офицера Вулферта. При встрече с великим князем Михаилом, братом Николая II, обоих сразила любовь с первого взгляда. Новый развод и новая свадьба. Взбешенный царь изгнал из пределов России свою сноху, но дал ей титул и имя: графиня Брасова.

Вспоминает Ксения Васильевна:

«Мы жили тогда в коттедже, выходящем окнами прямо на берег Ла-Манша. Однажды я заметила, как у нашей решетки остановился красивый автомобиль с шофером в ливрее. Из него вышла элегантная и очаровательная молодая женщина. Она представилась:

— Я графиня Брасова. Могу ли я видеть генерала Деникина?

Приятный непринужденный разговор в присутствии Шапрон дю Ларре и Натали Корниловой. Темы самые злободневные. Перед тем как попрощаться графиня пригласила нас всех четверых приехать к ней на день в гости. В назначенный день за нами пришла машина. Я надела единственное имеющееся у меня платье для выезда из гофрированной тафты. Мужчины надели мундиры. Заболевшая Натали Корнилова не смогла нас сопровождать.

Графиня Брасова жила в красивом поместье, окруженном большим парком с оранжереями и бассейном. Во время обеда она долго рассказывала о своем сыне Георгии, который учился в колледже, показывала нам фотографии. Когда мой муж, знав-

ший великого князя, сказал, что ребенок похож на своего отца, на ее лице засветилась радость. После чая она попросила Антона Ивановича пройти в ее кабинет. Более часа они разговаривали с глазу на глаз. Когда они вернулись к нам, мы заметили, что у них расстроенные лица и у графини красные глаза.

По возвращении в Певенси-Бей мой муж рассказал мне следующее: кто-то убедил несчастную женщину, что великий князь жив, что он скрылся от преследований в Сибири и что лишь три человека — и среди них генерал Деникин — знают истину и его действительное местонахождение. Она со слезами умоляла генерала:

— Скажите мне, что он жив! Я знаю, что вы связаны словом чести, но скажите мне только, что он жив...

Антон не мог сказать ей ничего утешительного, ему были известны почти неопровержимые доказательства того, что великий князь был убит большевиками».

Молодой Георгий Михайлович, сын великого князя, племянник Николая II, погиб в автомобильной катастрофе во Франции в 1931 году. Его мать пережила его на двадцать один год и умерла в парижском доме для престарелых. Оба были похоронены на кладбище Пасси.

В 1956 году одна русская посетительница с трудом разобрала стершуюся и заросшую сорной травой надпись:

«Князь Брасов 1931. Княгиня Брасова, вдова великого русского князя Михаила».

Возможно, что сейчас этой могилы уже нет...

Депутаты палаты общин и представители палаты лордов решили устроить в честь Деникина банкет, который и состоялся 27 апреля. В своей приветственной речи лейборист Уорд подчеркнул, что действия Ллойд Джорджа имели самое отрицательное последствие. Ответная речь Деникина была краткой. Он напомнил, что белая армия в то время, когда под ее контролем находились Украина, Северный Кавказ, побережья Черного и Каспийского морей, отвлекала значительные силы большевиков, мешала им распространить свое влияние на Румынию, Турцию, Персию и Афганистан, тем самым защитив эти страны от коммунистической заразы и дав возможность свергнуть в Венгрии кровавую диктатуру Бела Куна. Борьба белых не была напрасной.

К бывшему вождю Белого дела присматривались крупные британские политические деятели, рассчитывая разыграть в большой антисоветской политической игре «карту генерала Деникина». Русские и английские собеседники спрашивали совета у Деникина по поводу того, какую позицию выбрать по отношению к Врангелю. Политические де-

ятели пытались убедить его встать во главе белого русского правительства, созданного в эмиграции.

Вот и шанс поправить свое бедственное финансовое положение. Законность этого шага не могла быть поставлена под сомнение, поскольку с момента смерти Колчака (и даже еще ранее) он являлся верховным правителем, а Врангелю передал лишь свои военные полномочия... На что бывший вождь белого юга России ответил, что отошел от политической борьбы и считает себя только частным лицом. Он еще по-прежнему разбит нравственно, мысленно переживает горечь поражения, утрат. Он не готов к крупной политической борьбе. Его целиком захватила идея написать мемуары.

Что касается Врангеля, то бывший белый вождь просит оказать максимум содействия новому главнокомандующему русской армией, поскольку тот продолжает борьбу против большевиков.

Пребывание в коттедже Певенси-Бей оказалось, однако, слишком дорогостоящим. Хольман опять нашел более скромную виллу в Истборне, куда все и переехали. Русские гости, не считаясь с приступами мизантропии, во власти которой часто оказывались изгнанники, по-прежнему без предупреждения врывались в летний дом с деревянными колоннами.

Более тактичные англичане уважали желание Деникина, которое он высказал в интервью, напечатанном во многих газетах: «Генерал хочет остаться в одиночестве», и сообщали о своем приезде письмом. Неожиданно могли приехать иногда только двое близких друзей Деникина — генералы Бриггс и Хольман. Будучи главой британской военной миссии, Бриггс оказал белым столь значительную помощь, что был замещен Хольманом, которого Лондон считал менее русофильски настроенным. Но это общее пристрастие к белым совершенно их не сблизило...

Вспоминает Марина Антоновна:

«В 1934 году семья Бриггс пригласила меня по случаю Нового года провести у них три недели. Сэр Чарли Бриггс — Георг V только что пожаловал его в рыцари — показался мне истинным воплощением английского джентльмена: высокий, сухой, седовласый, четкая речь, резкие, но предупредительные жесты, изысканная элегантность, с которой он носил твидовый пиджак, а вечером смокинг. Леди Бриггс, еще очень молодая женщина, царила среди десятка слуг. Визиты к таким же богатым друзьям на машине с шофером, танцевальные вечера, игра в крикет, охота... Короче, о таком отдыхе можно было только мечтать. Когда я предупредила Бриггса, что должна провести уик-энд у Хольмана, он нахмурил брови, но тут же купил мне билет первого класса на поезд, идущий из Саффолка в Сассекс.

На вокзале меня ждал человек гигантского роста. Цвет лица «полковника из Индии» контрастировал с белым цветом усов и волос. Он встретил меня очень тепло, удивился, что я ехала в первом классе. Я рассказала ему историю моего билета. Он сам довез меня на скромного вида машине до коттеджа. Его жена приготовила нам пудинг с почками и после обеда не дала мне помыть посуду. В воскресенье мы съездили в Истборн и Певенси-Бей. Хольман лишь раз упомянул о Бриггсе и его молодой жене, но часто говорил о том великом человеке, дочерью которого я имела счастье быть. Он сам купил мне билет... первого класса. Бриггс лишь пожал плечами, когда я ему ответила: «Но нет, я совсем не скучала! Хольманы такие приветливые люди!»

Мой отец улыбнулся, когда я ему рассказала о своих впечатлениях:

«Это совершенно исключительные люди. Как жаль, что они не находят общего языка»».

К июню 1920 года парижский издатель Поволоцкий заключил с Деникиным контракт на издание мемуаров. Тем не менее, несмотря на гонорар, на предусматриваемые в контракте права, автор не мог себе позволить проживать со своей семьей в Англии. Друзья сообщали ему, что в Бельгии жизнь гораздо дешевле. Почему бы не поехать в Бельгию? Достали визу и назначили отъезд на октябрь или ноябрь, но статья в «Таймс» разрушила все планы.

17 августа в ней было опубликовано секретное послание, которое лорд Керзон, министр иностранных дел в правительстве Ллойд Джорджа, направил в апреле своему советскому коллеге Чичерину. В нем шла речь о перемирии между красными и белыми. Лорд Керзон писал:

«Я использовал все мое влияние на генерала Деникина, чтобы убедить его оставить борьбу, и обещал ему в этом случае сделать все возможное для заключения мирного договора между силами красных и белых. В конечном счете генерал Деникин уступил моим доводам и покинул Россию...»

Это не соответствовало действительности. Но такая дезинформация вносила брожение в умы белой эмиграции, подрывала и без того резко пошатнувшийся авторитет проигравшего главкома ВСЮР. Генерал Деникин подготовил заявление для прессы. 27 августа в газете «Таймс» появилось резкое опровержение генерала:

«Я глубоко возмущен заявлением лорда Керзона. Я категорически заявляю, что:

1) Лорд Керзон не мог оказать на меня никакого влияния, мы никогда не были знакомы.

[...]

4) *Мое решение покинуть пост главнокомандующего было вызвано целым рядом причин, не имеющих абсолютно никакого отношения к политике лорда Керзона.*

5) *Я считаю сегодня, как считал и вчера, что борьба против большевиков жизненно необходима и неизбежна до их полного уничтожения. Иначе рухнет не только Россия, но и вся Европа».*

Деникин, побежденный полководец, до сих пор еще не пришедший в себя от своего военно-политического краха, потерявший Отечество, не обустроенный в материально-бытовом отношении, был вынужден расставить окончательные акценты в вопросе своей отставки и убытия в эмиграцию.

Такой акцией бывший вождь Белого движения как бы подвел черту под своим прошлым. Он наивно полагал, что прошлое его отпустит. Скоро Деникин понял, как оно цепко держит его. И прозреть ему помогло настоящее. Британский премьер-министр Ллойд Джордж начал переговоры с советским послом Красиным о нормализации торгово-экономических отношений Англии и Советской России.

Генерал-изгнанник возмущен до глубины души. Он наивно полагает, что, если покинет в знак протеста Англию, то переговоры будут сорваны, так как его отъезд вызовет негативную реакцию британской общественности. Антон Иванович жестоко ошибся: в марте 1921 года торговое соглашение между Великобританией и Советской Россией было подписано. А четыре года спустя Великобритания и Советская Россия установили дипломатические отношения.

Первая серьезная политическая пощечина... А тут еще есть хочется каждый день... Надо ехать в Бельгию. Это станет и демаршем в связи с политическими советско-британскими контактами, и жизнь будет подешевле...

28 августа 1920 года семья и жители коттеджа в Истборне в полном составе покинули дом с деревянными колоннами.

БЕЛЬГИЙСКО-ВЕНГЕРСКИЕ СКИТАНИЯ

*Ничто так не мешает видеть,
как точка зрения.*

Дон Аминадо

Первые шаги Антона Ивановича по бельгийской земле сопровождались знаковыми событиями.

Ксения Васильевна, невольно упражняясь в перетаскивании тяжелых дорожных чемоданов, почувствовала сильные боли в левом боку. Врачи поставили диагноз — опущение

почки. Причина — плохое питание и истощение. Нужно было вернуть почку на прежнее место. Едва она поправилась, как ее вызвали телеграммой в Берлин. Второй муж ее матери, эмигрировавший в Германию, сообщал, что мать умирает от рака желудка.

В том момент генерала Деникина вызвала местная контрразведка и долго допрашивала о том, чем он собирается заниматься в их стране. Его будущая деятельность бельгийским властям показалась подрывной. Разгневанный экс-вождь Белого дела после нелицеприятной беседы в контрразведке послал письмо министру юстиции социалисту Вандервельде. Он напомнил об их встрече в России в 1917 году, когда нынешнему министру, а в то время только лишь политическому изгнаннику, было оказано достаточно гостеприимства. В ответ Вандервельде в качестве смягчающего обстоятельства такого обращения с Деникиным сослался на бельгийские законы, но обещал принять меры, чтобы подобное «оскорбление» больше не повторилось. Слово свое министр юстиции сдержал: вызовы в контрразведку не повторялись.

Семья Деникиных снимала меблированный дом в Укле, сельском предместье Брюсселя, у некоего Франка Шаппеля. Доверившись прежним жильцам, англичанам, они, не проверив, подписали перечень всех вещей и мебели. Но вскоре обнаружилось, что половины указанной в списке мебели в доме не обнаружилось. Они поставили об этом в известность Шаппеля, который потребовал оплатить «отсутствующую мебель». Ничего не поделаешь, им пришлось заплатить — но они переехали в другое предместье, Род-Сен-Женез, где некая мадам Левек, честная и очаровательная женщина, предложила им «небольшую дачу с садом», за которой начиналось поле.

Семья теперь сократилась до шести человек. Шапрон дю Ларре и Гришин нашли работу и комнаты в городе. Георгий Корнилов стал пансионером в колледже. Его сестра Натали, собирающаяся выйти замуж за Шапрон дю Ларре, также покинула Деникиных. «Приемная сирота» Надя Колоколова проявила неблагодарность, распространяя самые грязные сплетни; она вернулась в Англию, где некий состоятельный джентльмен счел за честь жениться на «племяннице» Деникина. В начале марта их покинул также ординарец Павел.

Из дневника Ксении Васильевны (14 мая 1921 года):

«Происшедшие события изменили наше существование. Антон Иванович встает теперь в 7 часов утра, открывает ставни, двери курятника, идет за углем, топит кухню и нижнюю печь. Я встаю на полчаса позднее, готовлю кофе, кипячу

молоко. Появляется дед. Мы завтракаем, затем Антон вооружается метлой, а дед тряпкой. Я иду кормить кур и нашу собаку Барбоса, чищу обувь, чищу картошку и готовлю обед. Няня Вера отказывается заниматься чем-либо другим кроме Марины. После я сажусь на трамвай и еду на лечение. Антон, перед тем как топить печи в наших комнатах, возится в саду. К счастью, второй том «Очерков» завершен и он позволяет себе немного отдохнуть. Я очень довольна, что он работает физически, это приносит ему большую пользу. Когда он пишет, то почти не выходит из кабинета, а ему так надо двигаться!»

Разочарованный дороговизной жизни в Бельгии, Антон Иванович, с которым его издатель расплатился французскими франками, узнал, что в Венгрии их меняют по очень выгодному курсу. Почему бы не пожить там, пока не удастся закончить три последних тома «Очерков...»? Няня Вера отказалась уезжать из страны, где жил ординарец Павел, в которого она была тайно влюблена. Деникины отправились в путь вчетвером.

В Венгрию можно было проехать или через Германию — это было короче, — или, сделав крюк, через Францию и Швейцарию. Деникин уважительно относился к австро-венграм, с которыми ему пришлось сражаться, а немецких «варваров» продолжал считать врагами. Поэтому он выбрал второй путь. Жена, дочь и дед поехали через Германию. Местом встречи они назначили Вену. Не без труда и унижений получив визу, генерал покинул Брюссель 22 мая 1922 года. Другие члены семьи выехали на два дня позднее. Они провели вместе сорок восемь часов в кишашей клопами венской гостинице.

Из воспоминаний Ксении Васильевны:

«Это вымирающий город (Вена. — Г. И.). Улицы грязные, с облезлыми домами. Никто их не подметает и не штукатурит здания. Никто из жителей Вены не верит в будущее. Царят спекуляция и черный рынок. Мне показалось, что я перенеслась в Россию, в дни, предшествующие революции...»

Маленький венгерский городок Сопрон, где они остановились, сначала показался семье раем. Чистый воздух, большие леса... Конечно, город был не из самых современных. От центральной площади до вокзала ходил единственный старенький дребезжащий трамвай. Для освещения пользовались старыми керосиновыми лампами, а письма из Парижа, Лондона и Брюсселя доходили только через одну-две недели. Но так приятно было здесь гулять и какими милыми, симпатичными казались местные жители! Удивительное спокойствие и очень дешевая жизнь!

Но дни шли, и на смену надеждам приходило уныние. В Сопроне невозможно было снять дом, так как сюда стекалось множество беженцев со всех земель, отторгнутых от Венгрии. Кроме того, работе мешало присутствие «в той же комнате капризного и невыносимого ребенка»*. Слишком жирная пища пансиона вызывала у жены генерала частые боли в желудке. Антон Иванович пишет 6 июля 1922 года:

«Один только дед доволен. Он гуляет сколько хочет, собирает лесные ягоды, курит венгерский табак и чувствует себя совершенно счастливым».

Семья снова переезжает на новое место. Они снимают маленький домик с садом в самом Будапеште и поселяются там в октябре 1922 года. Появляется молодая няня. Генерал может, наконец, приняться в полную силу за свои «Очерки русской смуты».

Из воспоминаний Марины Антоновны:

«Новый год 1923 года мне запомнился из-за пережитого страха и разочарования. В комнате, выходящей в сад, стояла большая, с любовью украшенная моим отцом новогодняя елка. Дверь открылась, и вошел Дед Мороз, настоящий русский Дед Мороз в красных сапогах, красной шубе, с большой белой бородой. На спине он нес мешок с подарками. Свечи заколебались, и елка внезапно загорелась. Мать пришла в ужас: «Загорится дом». Дед Мороз помог моему отцу выбросить горящую елку в сад, он потерял шубу и белую бороду, которая оказалась ватной. К счастью, урон был самым незначительным. Мой отец часто вспоминал позднее, как я упрекала его:

— Папа! Почему ты мне не сказал правду? Теперь я знаю, что русским Дедом Морозом может быть венгерская няня».

Ведет белый вождь в принципе рутинную жизнь изгнанника-бедняка, вечно озабоченного хроническим безденежьем. В письме Астрову 8 января 1924 года, повествуя о своей жизни в Венгрии, Деникин сообщает:

«...Жизнь на время сузилась до удовлетворения насущных потребностей в обстановке черновой хозяйственной работы: таскаю дрова и уголь, топлю печи, убираю квартиру, заколачиваю все щели».

Скоро из-за экономического кризиса поднялись все цены. Деникины отказались от няни, уехали из Будапешта в маленькую деревеньку, затерявшуюся на берегах большого озера Балатон.

---

* Так «самокритично» охарактеризовала себя Марина Антоновна в своих воспоминаниях (см.: *Грей М. Мой отец генерал Деникин. М., 2003. С. 247*).

«Наше жилище, — сообщал Деникин одному из своих друзей 31 мая 1924 года, — не шикарно, но просторно и относительно удобно. Особенно великолепен сад, выходящий на озеро. Летом здесь прекрасно. О зиме же я стараюсь не думать. Мне говорили, что никто еще не проводил в этом доме зиму...»

Семья обрабатывала землю и занимались меновой торговлей. Продукты «помещика Деникина» уходили на питание не только семьи, но и многочисленных гостей — бывших генералов и офицеров да и гражданских деятелей. Они приезжали из Белграда, Софии, Берлина, чтобы привезти Антону Ивановичу имевшийся у них материал по истории Гражданской войны, Белого движения. За столом велись долгие разговоры о прошлом, настоящем и будущем России. Конечно, в эпицентре долгих бесед — воспоминания о делах не столь давно минувших — о белом юге России. Мучительный анализ, помноженный на ностальгию... Гости за такими разговорами порою и не замечали, что гостят у Антона Ивановича и Ксении Васильевны по две, а то и три недели...

Александр Павлович Кутепов посетил своего начальника сразу же, не дожидаясь лучших времен. Великий князь Николай Николаевич, бывший главнокомандующий русской армией, бежавший во Францию, решил продолжать борьбу — на этот раз тайную — против большевиков и обратился за помощью к Кутепову. Последний, прежде чем принять это предложение, решил посоветоваться с Деникиным и получить его одобрение:

— Ваше высокопревосходительство, Его высочество желает, чтобы я создал тайную организацию, способную свергнуть советский режим. Я хотел бы по этому поводу спросить у вас совета.

У Деникина всегда была своего рода «аллергия» к шпионам, разведчикам и контрразведчикам, даже когда ему случалось прибегать к их помощи.

— Мне кажется, что план полезен, но я полагаю, что для его осуществления вам нужны значительные финансовые средства и солидный опыт в таком деле, иначе это дилетантское предприятие не будет иметь успеха.

— Мы найдем средства, и я рассчитываю привлечь компетентных и надежных людей.

Из всего разговора Кутепов запомнил только слово «полезен» и, заручившись поддержкой и одобрением Деникина, пустился в свое «дилетантское» предприятие. Славы на ниве диверсионно-террористической деятельности против СССР он не снискал, а буйную голову сложил...

За шесть лет вынужденного турне по Европе Антон Иванович написал пятитомник «Очерков русской смуты» — военно-политическая эпопея о судьбоносных событиях в истории нашего Отечества. Взяться за перо его заставили не только материальные соображения (хотя они играли здесь довольно существенную роль).

В неопубликованных записках, относящихся к 1944 году, бывший главком ВСЮР писал:

«Белое движение со всеми его светлыми и темными сторонами подвергалось и подвергается доныне нападкам и искажениям со стороны людей, ходящих в узких политических шорах, смотрящих сквозь призму национального шовинизма или попросту невежественных. Надо сказать ПРАВДУ о Белом движении и сказать ее возможно скорее. Во-первых, потому, что “не знаешь дня и часа”, во-вторых, пока живы были многие современники событий, “свидетели истории”, враги и друзья, которые могли бы подтвердить. Исправить или опровергнуть написанное».

И еще он писал:

«“Очерки русской смуты” я считаю самым важным делом моего эмигрантского житья. На работу эту я смотрел как на свой долг в отношении Белого движения и перед памятью павших в борьбе, как на добросовестное показание перед судом народным, судом истории».

Первый том «Очерков...» ему в основном пришлось писать по памяти, почти не располагая необходимыми в таком случае материалами, если не считать нескольких интересных документов, уцелевших в его папках и бумагах генерала Корнилова. При этом данный том, по словам его автора, имеет скорее характер воспоминаний, а не очерков.

Работая над вторым томом, Деникин уже имел в распоряжении заметки своих соратников, а в дальнейшем и архив генерал-квартирмейстерской части, полученный из Сербии после крымской эвакуации. На его призыв присылать документы откликнулись многие бывшие государственные и военные деятели, направившие ему ценные воспоминания.

В последующих томах Антон Иванович вводит в научный оборот все больше уникальных документов.

Титанический пятилетний труд был завершен.

Конечно, в «Очерках...» можно найти противоречия, фактические неточности. Но вряд ли в них можно обнаружить откровенно слабые места с точки зрения литературного стиля, преднамеренного искажения фактов, вульгарщины, натурализма и приемов, рассчитанных на достижение дешевой популярности.

Предысторией «Очерков русской смуты» можно расценивать одно небезынтересное обстоятельство. В письме Деникина Астрову приложено оглавление книги «Белая борьба». Судя по всему, Антон Иванович написал не мемуары в чистом виде, а историю Белого движения — в стадии его генезиса, уложив ее в хронологические рамки от корниловского выступления в сентябре 1917 года до разгрома белых армий на юге России. По всей вероятности, эта неопубликованная и пока что не обнаруженная в отечественных архивах рукопись генерала является своеобразным конспектом его «Очерков русской смуты»

Деникинский труд привлек к себе всеобщее внимание и в Советской России, и в эмиграции. Первый том «Очерков...» был доставлен Ленину, который внимательно изучил его и почти на каждой странице сделал пометки. Вождя большевиков интересовали в первую очередь социально-политические проблемы, освещаемые бывшим вождем Белого движения. Подчеркнем: Ленин остался верен классовому подходу в оценке событий и личному стилю ведения полемики.

Он сопровождал одно из рассуждений генерала пометкой, что автор работы рассуждает о классовой борьбе «как слепой щенок».

Со значительными сокращениями «Очерки русской смуты» были опубликованы в Госиздате в Москве в двух томах. О них благожелательно отзывался Горький.

Троцкий с иронией писал по их поводу, что удары судьбы, нанесенные русским генералам, и в частности Деникину, научили их держать перо.

Лев Давидович тогда еще не подозревал, что скоро «вождь народов товарищ Сталин» отправит его за границу, где тому тоже придется научиться держать перо.

Официальный советский историк Покровский оценил «Очерки русской смуты» лишь как «историю генералов». Он отмечал, что для истории генеральского мирозерцания, генеральской политики, генеральского отношения к русской революции вообще — это «незаменимый источник». Не постеснялся ученый употребить и ярлыки типа «буржуазные калифы на час». Кроме того, историк допустил беспардонное передергивание фактов, классифицировав генерала Корнилова как союзника «настоящего, подлинного наймита немцев казацкого атамана генерала Краснова», что, конечно же, не соответствует исторической правде. Правда, Покровский сделал, по моему суждению, и оригинальный вывод, классифицировав «Очерки...» как «основной источник для истории военной контрреволюции».

Появление «Очерков...» вызвало многочисленные отзывы, в основном благожелательные и зачастую восторженные, огромного большинства русских эмигрантов на всех пяти континентах. Военные отдавали должное правдивости воспроизведения картин прошлого, оценке их борьбы. Специалисты между тем давали неоднозначные оценки генеральскому сочинению.

«Очерки русской смуты» Деникина — самое крупное произведение из написанных лидерами Белого движения, охватывающее эпохальные события отечественной истории. Они имеют большую познавательную и научную ценность. Это — важнейший источник для изучения истории русской армии, Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, Белого движения.

В белой эмиграции и друзья, и недруги Антона Ивановича с нетерпением ждали появления каждого тома «Очерков...» Когда четвертый том находился в печати, из Парижа с беспокойством писал Кутепов:

«Как сложится судьба вашего пятого тома? Знайте, что наш «общий друг» переходит в контратаку. Он готовится издать в Берлине «Архив белой армии». В помощниках у него — принц Лихтенбергский, фон Лампе и граф Ливен. Истинно русские люди!...»

Бывали и курьезы: после выхода двух томов «Очерков...» встречает в Белграде адъютанта генерала Романовского бывший Кубанский атаман генерал Филимонов и говорит ему:

— Читали мою статью в «Архиве русской революции»? Я знаю, что генерал Деникин будет меня ругать в следующих томах «Очерков...», так я, чтобы предупредить события, сам его руганул... у читателя кое-что и останется.

Но когда в дальнейших томах Филимонов прочел свою характеристику, объективную, правдивую и доброжелательную, он прислал Антону Ивановичу хорошее письмо и сам предложил свое сотрудничество в освещении событий юга.

Может создаться впечатление, что во время своего вынужденного турне Антон Иванович вообще ушел из политики.

Но генерал выдал желаемое за действительное: ему не удалось уйти от политических реалий белой эмиграции. Однако он мучительно трудно переваривает этот зыбкий конгломерат лиц, претендующих на свою роль в истории.

В 1926 году экс-лидер Белого движения писал соратнику-добровольцу полковнику Петру Васильевичу Колтышеву, что он все более и более убеждается в преимуществе отшельнического жилья.

Оно давало, по мнению бывшего главкома ВСЮР, «возможность со спокойствием и некоторым скептицизмом смотреть на ту политическую кухню, которую варят наши именитые беженцы».

Деникин видит в них разных — глубоко идейных и авантюристов, и политических маклеров.

Находясь вроде бы в стороне от суетной политической жизни белой эмиграции, Антон Иванович внимательно наблюдает, делая удивительно тонкие предсказания.

В 1923 году он пишет письмо генералу Кутепову и прямо указывает, что пользы будет мало, когда великий князь Николай Николаевич возглавит объединенные белые силы в изгнании.

Бывший главком ВСЮР укрепляет связи с бывшими сослуживцами. Присылая ему свои личные воспоминания об участии в антибольшевистской борьбе, они сообщали Антону Ивановичу последние новости политической и общественной жизни белой эмиграции.

Генерал Сергиевский, бывший начальник связи ставки верховного главнокомандующего в 1917 году, препроводил свои воспоминания в письме от 18 июня 1923 года своеобразным отчетом перед Деникиным о деятельности Константиновского военного училища, дислоцированного в Болгарии. Автор письма обращается к бывшему вождю Белого движения не иначе, как «ваше превосходительство, высокочтимый Антон Иванович», демонстрируя тем самым, уважение к своему бывшему начальнику, в то время как в некоторых кругах белой эмиграции пытались предать его обструкции.

Многие эмигранты предлагали услуги сильным мира сего, чтобы «задушить в колыбели» Республику Советов. Деникин, напротив, отвергал любые попытки втянуть его не только в политическую борьбу внутри эмиграции, но и в возобновление вооруженной борьбы против Советской России. В 1921 году он решительно отстранился от деятельности фон Лампе и Глазенапа в Венгрии, где те пытались создать из бывших офицеров вооруженные отряды для агрессии против Советской России.

Генерал Глазенап после того, как удалось создать 15-тысячный корпус при помощи правительства Венгрии, заявил, что у него «нет веры в генерала Деникина».

Антон Иванович пристально следил за событиями в Советской России. По возможности знакомился с советскими публикациями, белоэмигрантской прессы и нелегальными источниками, поступавшими с Родины. В ГАРФ хранится письмо анонимного автора от ноября 1923 года из Москвы в Париж о положении в Советской России⁸.

Отдельные положения этого письма, судя по литературным трудам Деникина, нашли опосредованное выражение в его публикациях: народ поддерживает советскую власть, но это не значит, что он доволен, ибо он знает, что «власти его обманывают»; об эмиграции в «Совдепии» знают мало. «Судят больше по поверхности, на которой много сора и грязи».

И все же недостает Антону Ивановичу объективности в оценке большевизма и советской власти, ибо горечь поражения довлела над ним болезненно и безраздельно.

Бывший белый вождь прямо и косвенно ощущал большую неприязнь к себе как к личности и обанкротившемуся военно-политическому деятелю. Об антиденикинских настроениях в белой эмиграции доложили в секретариат Ленина.

В 1921 году аналитики Коминтерна отмечали, что Деникин и «полуденикинские лидеры», по мнению монархических кругов белой эмиграции, скомпрометировали себя в глазах народа, что ставку на них в антибольшевистской борьбе делать нельзя».

Вырабатывая свою мировоззренческую, политическую позицию, Антон Иванович выделил для себя ключевые события, по которым ему было необходимо определиться: отношение к остаткам белых армий и образовавшемуся РОВС; тактика белой эмиграции по отношению к Советской России.

В отношении остатков белых армий его позиция была категоричной: армия должна быть сохранена.

Он писал Кутепову, что, если удастся сохранить организационные ячейки, армия «будет предохранена от распыления». Для этого, считал генерал, остатки частей нужно расселить в Балканских странах и при содействии правительств поставить их «на положение вольных работ». При этом следует поддерживать нравственную связь с теми родными ячейками, где под именем «полков», «батарей» образуются рабочие артели. Главное — сохранить традицию и организацию. «Без них добровольчество обратится в бесконечную пыль». В сложившемся же статус-кво белых частей их бывший главком советовал остаткам белого воинства «терпеть, учиться и работать».

Деникин крайне осторожно и деликатно высказывал свои суждения. Общественность еще помнила о его борьбе с Врангелем за власть в 1919—1920 годах. Поэтому Антон Иванович держался отстраненно от своего преемника, не желая, по личной оценке, «хоть одним словом помешать новому командованию».

Возникновение РОВС вполне удовлетворяло его. Но у генерала возникли определенные сложности с руководством новообразованного союза. Он тесно контактировал в основном с генералом Кутеповым, который стал с первых дней образования РОВС одной из ключевых фигур в руководстве. Генерал Деникин не хотел вмешиваться в дела РОВС. Но командование союза (генералы Врангель, Шатилов), видимо, помня прежние обиды на своего бывшего главкома, старалось подчеркнуто не замечать Антона Ивановича.

Более того, Шатилов чинил препятствия в работе Деникина над «Очерками русской смуты». Материалы, хранящиеся в ГАРФ¹⁰, показывают: Деникин высказывает искреннее недоумение в связи с отказом в высылке некоторых архивных документов штаба ВСЮР, необходимых ему для работы над мемуарами. Антон Иванович деликатно напоминает при этом, что он имеет «моральное право на архив», так как являлся главнокомандующим ВСЮР. Проволочки же срывают его обязательства перед издателями. Шатилов не удостоил генерала ответом. Началась бюрократическая волокита. Лишь через месяц бывшему вождю Белого движения на юге России были высланы 49 дел штаба ВСЮР.

Позиция генерала Деникина о тактике белой эмиграции по отношению к советской власти базируется на главном положении: большевизм — злейший враг, с которым не могло быть допущено даже мысли о компромиссе. И рассуждая о путях дальнейшей борьбы, Деникин оформил свои взгляды в стройную концепцию. Для ее понимания представляет интерес недатированный черновик статьи генерала «Искание Родины», хранящийся в ГАРФ¹¹.

Статья ориентировочно написана между 1922—1926 годами, так как по ее контексту чувствуется, что работа над «Очерками русской смуты» близится к завершению, а о генерале Слащеве, вернувшемся на Родину в 1921 году, говорится как о живом (погиб в 1929 году). Статья не публиковалась в эмигрантской прессе. Впоследствии сам генерал мельком говорил о ней в своей работе «Русский вопрос на Дальнем Востоке».

Побудительным мотивом для написания статьи послужило то, что соратники по Белому движению стали задавать Антону Ивановичу вопросы: что же делать дальше? Генерал Деникин и дал в статье подробные ответы на три вопроса: какую позицию должно занимать добровольчество в случае международного конфликта; допустимо ли сотрудничество русских людей и организаций с иностранной агентурой «в

деле разведки советской республики», главным образом стратегического положения и военной подготовки; можно ли возвращаться в Россию.

Отвечая на первый вопрос, бывший главком ВСЮР констатирует:

В Европе налицо опасность новой мировой войны. В этой распре между чужими народами «русское добровольчество не может принять участия». Иначе возможно братоубийство, так как добровольчество разбросано по всему свету. На том же основании, считает Антон Иванович, недопустимо участие добровольцев в политических распрях и в гражданских войнах в тех странах, в которых они нашли приют, и лишь только местные коммунистические восстания могли бы заставить бывших белогвардейцев взяться за оружие.

Далее генерал пишет, что в данное время не существует стран, которые бы желали «серьезно и бескорыстно помочь вооруженной силой в свержении советской власти в России». Наоборот, многие хотят быстрее признать Советскую Россию, боясь потерять экономическую выгоду. Следовательно, добровольцы не имеют нравственного права участвовать в войне против своей Родины на «стороне держав, имеющих целью отторгнуть Российские окраины».

Правда, Антон Иванович делает оговорку, что теоретически не отрицает «просветления общественной мысли», которая поймет всю опасность, исходящую из большевистской России. В случае появления силы, направленной на свержение большевизма, а не на территориальный захват России, добровольцы могут ее поддержать.

Отвечая на второй вопрос, Деникин признает:

Активная борьба с советской властью всеми способами и средствами является патриотическим и нравственным долгом русской эмиграции. Собираение же сведений о военном положении Советской России и сосредоточении их в руках русских противобольшевистских организаций необходимо в интересах планируемой борьбы.

Следовательно, разведывательные данные нужно копить в белоэмигрантских военно-политических кругах, а в вопросе передачи их иностранным державам проявлять крайнюю осторожность.

Отвечая на третий вопрос, генерал пишет:

Нельзя возвращаться в Советскую Россию, где «невыносимые условия жизни привели к физическому и моральному отчаянию, где материальные условия зачастую хуже, чем на болгарских рудниках». Вернуться же в Россию можно будет лишь тогда, когда эмиграция станет «приносить свой труд, свой

разум, свою жизнь на службу Родине, а не советской власти. При наших условиях это невозможно».

Деникин особо предостерегает добровольцев от того, чтобы они не попали под влияние большевистской пропаганды и не вернулись в Россию. Добровольцы, которые вернутся в Россию, будут всячески преследоваться.

История показала, что генерал, к сожалению, оказался прав. Советская власть с репатриантами, поддавшимися их призывам о возвращении на Родину, особо не церемонилась, многие из них были репрессированы, а их отчаянные письма комиссару по делам беженцев при Лиге Наций Нансену оказались запоздалыми.

Были и коллективные письма репатриантов, среди которых насчитывалось более 150 офицеров, совсем о другом — о том, что они нашли свое место на Родине. И имел место еще врангелевский террор на Балканах против тех, кто хотел вернуться. Об этом Антон Иванович предпочитает в своей статье не упоминать. О многом он, конечно, не знал. Но в случае же со Слащевым бывший вождь Белого движения усматривает пропагандистский трюк большевистского руководства и непорядочность генерала-возвращенца.

Более того, генерал Деникин за десять с лишним лет до развертывания в РККА сталинских репрессий против офицеров предсказал, что с теми, кто вернется из эмиграции (равно и со старыми «военспецами») большевистский режим поступит жестоко.

Жизнь старого воина, потерявшего Отечество, коему он всю жизнь служил, между тем шла своим чередом...

Пятитомные «Очерки русской смуты», появившиеся потом в сокращенном виде на английском, французском, немецком языках, давали семье Деникиных временную иллюзию материального благополучия, а спокойная жизнь в Венгрии начала тяготить оторванностью от людей. Предлогом к переезду было письмо от генерала Шапрона дю Ларре, женившегося в Бельгии на дочери генерала Корнилова. Этот верный друг Антона Ивановича настойчиво уговаривал его вернуться в Брюссель. Переезд произошел в середине 1925 года.

Живя в Брюсселе, Антон Иванович все чаще бросал взоры в сторону Парижа, который стал своеобразной Меккой русской эмиграции. Здесь обосновались 72 тысячи русских интеллигентов, действовало около 300 организаций, издавалось 7 наиболее крупных газет русских эмигрантов.

Весной 1926 года Деникины переезжают во французскую столицу, где они поселились в маленьком отеле неподалеку от Эйфелевой башни.

В МЕККЕ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ

*Надвинулись Тени? Склони же
Смягченные взоры твои
И дай мне в вечернем Париже
Парижской, а все же любви.*

Жюль Ромен

— Входите, мадам, чем обязан? А, это опять вы! Понятно, здесь господин Бальмонт.

— Что, господин офицер, опять пьяная драка в ресторане? — с грустью в голосе спросила Ксения Васильевна дежурного офицера полицейского участка.

— Да, и не первый раз, позвольте заметить, господин Бальмонт попадает к нам.

— Понимаю, но может быть, еще раз... Штраф я уплачу!

— Сколько же можно, — возмутился дежурный офицер.

— Поймите...

— Ладно, только ради вашего мужа, мадам Деникина. Я однажды видел его в Одессе в 1919 году.

— Вы были в России?

— Да. Ваш муж — порядочный офицер. Хотя мы тогда, покинув Одессу, здорово подставили его. Впрочем, что ворошить прошлое... Забирайте своего Бальмонта. Штраф заплатите завтра. И поговорите, мадам Деникина, с Бальмонтом. Что это такое? В ресторане после двух-трех рюмок он теряет человеческий облик, шумит, скандалит, бьет посуду и зеркала. Так и в тюрьму угодить можно.

— Я обязательно поговорю. Большое вам спасибо, господин офицер!

— Не стоит благодарности. Кстати, не в качестве комплимента, а правды: для русской эмигрантки у вас замечательный французский.

— Спасибо, до свиданья!

Ксения Васильевна покинула полицейский участок с Константином Бальмонтом, крупным русским поэтом Серебряного века. Он являлся одним из немногих, кто был вхож в семью Деникиных.

Антон Иванович надолго запомнил свое появление в Мекке белой эмиграции. Друзья Деникина из Брюсселя проводили семью на Южный вокзал. Парижские друзья ожидали их на Северном вокзале. Самые тяжелые чемоданы остались в камере хранения. Таксист родом из России отвез

путешественников в гостиницу, где для них забронировали комнату. Ксения Васильевна стала жаловаться на сильные боли — перитонит. Врач, также русский, настоял на немедленной операции. Профессор Алексинский, бывший хирург императорской семьи, заведовал клиникой в Вильжюифе. Операция прошла удачно. Каждый день Деникин провожал маленькую Машу (он всегда предпочитал это уменьшительное от Марии уменьшительному Мариша от Марины) на метро или трамвае в больницу к матери. Новая неприятность: у дочери началась лихорадка, и она покрылась красными бляшками. Врач диагностировал корь. Деникин принялся его умолять:

— Не говорите ничего хозяйке гостиницы! Она нас выгонит. И куда же мы пойдём?

Теперь он один ездил в Вильжюиф, оправдывая отсутствие Марины разными причинами. Но лгал он так неумело, что мать, беспокоясь о дочери, сбежала из больницы и приехала в гостиницу. В конце концов, все утряслось. Уже выздоравливающая Марина и Ксения Васильевна и их вконец замучившаяся сиделка уехали в Капбретон, где писатель Шмелев нашел для них жилье. Они приезжали туда три года подряд.

Вилла Марк-Анри оказалась деревянным летним домиком. Осенью оттуда надо было уезжать. Кутепов, только что проведший лето в Фонтенбло, нашел там сдававшийся флигель. Он был из камня, но отапливалась одна лишь кухня. Наконец в январе 1927 года семья нашла современную квартиру (центральное отопление и ванная) в Ванве, на авеню Астрид Дарю, 19. В письме от 17 мая 1928 года к генералу Драгомирову Антон Иванович писал о своей жизни во Франции:

«В 1926 году весной мы переехали во Францию. Житье наше началось невесело — жене с места пришлось подвергнуться операции. И вообще, эти два года, как и предыдущие, прошли для меня в постоянном недомогании. Меняем врачей, системы и режимы, а толку мало. Живем мы оседло в Ванве. Это не совсем трущоба, как вы полагаете. Ванве — пригород Парижа, от нас до парижского вокзала Монпарнас всего 10 минут по железной дороге. Жена научилась делать шляпы, я продолжаю писать — труд по беженским условиям, оплачивающийся хуже, чем заводской. Очередная работа моя — очерки жизни и быта старой армии. Необходимо один из очерков посвятить памяти М. И. Драгомирова. Если вы мне поможете материалами, буду благодарен.

Марина растет и учится очень хорошо: во французской школе идет первой.

Собственно, в Ванве мы живем в общем семь месяцев в году. На лето квартиру свою сдаем и переезжаем в деревню — к океану на юг, где покойнее, дешевле и полное благорастворение воздуха. Зовут нашу деревню Капбретон. Живет в ней постоянно поэт Бальмонт, летом — Шмелев, так что, как видите, писательская братия представлена густо».

К тому времени Антон Иванович на законном основании причислял себя к «писательской братии». Славу принесли «Очерки русской смуты». Литературное творчество стало единственным источником существования бывшего вождя Белого дела. Правда, гонорар обнаружил свойство быстро таять...

Среди известных писателей, покинувших Россию, особенно тепло и дружески приветствовали Деникина Бунин, Куприн и Шмелев. Не менее горячо встретили его Бальмонт и Марина Цветаева. Они часто навещали его, проводили с ним вечера в долгих беседах на литературные и исторические темы, вспоминая прошлое. Иван Алексеевич Бунин подарил генералу свою книгу «Чаша жизни», где с необычайной для себя экспансивностью написал на первой странице:

«Антону Ивановичу Деникину в память прекрасного дня моей жизни — 25 сентября 1919 года в Одессе, когда я не задумываясь и с радостью умер бы за него!»

Эта надпись относилась ко времени приезда генерала Деникина в освобожденную от красных Одессу, где жители города (среди которых был и Бунин) с неподдельным восторгом встречали и чествовали главнокомандующего ВСЮР.

Встреча Деникина с Буниным была мимолетной, но она запомнилась Антону Ивановичу, так как давно он заочно любил и уважал большого писателя и художника слова, а теперь радовался возможности сойтись с ним. Бунин рассказывал ему о своих злоключениях, о бегстве из Одессы после краха Белого дела и о том, что творилось в «русском литературном мире» за границей. Но особой близости между ними не было, так как Бунин жил на юге, встречались они довольно редко.

С Куприным Деникин прежде не был знаком. Он ценил его большой талант, но далеко не все произведения нравились ему. Антон Иванович не принимал купринские повести и романы из военной жизни, в свое время нашумевшие на всю Россию. Он считал «Поединок» и «На переломе» искажающими военный быт. Но поручик в отставке, служивший в армии царской России в 1888—1894 годах, впол-

ледствии изменил свое отрицательное отношение к ней. Такой Куприн, бежавший от красных из Гатчины с отрядами Юденича, был близок Деникину.

Когда-то добрые приятели, ко времени их жизни во Франции Бунин и Куприн охладели друг другу. Слава пришла к Куприну из России, а в эмиграции творчество не находило выхода. Как раз обратное произошло с Буниным. В эмиграции он написал свои лучшие книги: «Митина любовь», «Темные аллеи», «Жизнь Арсеньева». В 1953 году его ждала Нобелевская премия.

Любивший выпить, Куприн терпеть не мог также любившего выпить Бальмонта, быть может, оттого, что оба во хмелю бывали буйны и безудержны, но вернее потому, что являлись слишком разными людьми. Каждый раз, заходя к Антону Ивановичу «на огонек», Куприн спрашивал:

— А Бальмонт у вас?

Деникин помнил Бальмонта с давних лет, когда в ранние академические годы в Петербурге стихи поэта с упоеанием декламировались на всех студенческих вечерах, когда ритмы и сочетания его стихов приводили в восторг всех курсисток.

«Дьявольски интересен и талантлив этот неврастеник», — говорил о нем тогда Максим Горький.

Насколько Куприн был прост и естествен, настолько Бальмонт любил позу. Декламируя свои стихи, входил иногда в «поэтический экстаз», сладкий и вкрадчивый шепот чередовался с громоподобным пафосом. Однажды он не на шутку напугал маленькую Марину. Читая одно из своих стихотворений и глядя в упор на ребенка, он с диким криком прочел строфу:

— Кто сказал? Кто сказал?

И в ответ на это перепуганная Марина с воплем отчаяния закричала:

— Да ты сказал!

При личной встрече Марина Антоновна рассказала мне, что в детстве она как-то побаивалась Бальмонта, когда тот появлялся в их квартире:

— Уж больно громогласный, шумливый, но зато, видите, сколько лет прошло, а я все же отчетливо помню Бальмонта...

Антон Иванович не очень любил творчество Бальмонта, поэта-романтика, декадента. Некоторые из его стихов попросту считал игрою созвучий и даже набором слов. Тем не менее он отдавал должное большому таланту поэта. Константин Дмитриевич Бальмонт казался ему замеча-

тельным человеком, но только в трезвом виде. Деникин скорее жалел, чем любил его. Но гасить последствия пьяных дебошей Бальмонта в маленьких французских рестораниках, которые заканчивались в полицейских участках, приходилось сердобольной супруге бывшего белого вождя. Она, владевшая французским языком, неоднократно и не без труда вызволяла Бальмонта из полиции. На одной из своих книг, подаренных Ксении Васильевне, поэт сделал надпись:

«Чтимой и очаровательной, очень-очень мне дорогой Ксении Васильевне Деникиной».

С дружеским вниманием откликнулась на приезд Деникиных во Францию Марина Ивановна Цветаева.

Многие ее стихи посвящались подвигам белой армии. Поэтесса не умела, да и не стремилась ладить с эмигрантской средой.

«Для правых она была чужой, их пугал ее бунтарский дух, ее презрение к буржуазной обеспеченности, ее необычность и отказ от традиционных литературных условностей. Левые видели в ней певца «белой мечты», автора поэм о царской семье, не желавшего подчиниться политическим и социальным заповедям. Одни называли ее тайной большевичкой, другие явной монархисткой», — писал один из литературных критиков.

Для Цветаевой генерал Деникин слыл одним из «лебединого стана», стаи славных: Корнилова, Маркова, Алексеева... И когда в 1939 году она вдруг решила вернуться в Россию, а за два года до нее уехал Александр Иванович Куприн, Антон Иванович не осудил, но он грустил и скорбел об их, как он считал, неразумном решении.

Марина Цветаева уехала в СССР вслед за дочерью Ариадной и мужем Сергеем Эфроном. Мужа расстреляли, а дочь сослали в Сибирь. В годы Великой Отечественной войны в минуту полного одиночества и отчаяния Марина Цветаева покончила жизнь самоубийством. А потом, когда в Советском Союзе посмертно напечатали ее избранные стихотворения, Марина Ивановна стала одним из популярных и чтимых авторов.

Александр Ивановичу Куприну всегда хотелось умереть в России. Его мучил физический недуг и склероз мозга, а материальное положение являлось убийственным. Он решил вернуться на Родину. Художник И. Я. Билибин, приехавший в Москву еще в 1936 году, взялся за него похлопотать. Вскоре советское посольство вручило чете Куприных советские паспорта.

Весной 1937 года Куприн пришел к Деникиным. Ксения Васильевна поведала биографу вождя Белого дела Леховичу о том, что ей хорошо запомнилось, как Куприн, ничего не говоря, прошел в комнату Антона Ивановича, сел на стул возле письменного стола, долго молча смотрел на генерала и вдруг горько-горько расплакался, как плачут только маленькие дети. Дверь в комнату закрылась и Ксения Васильевна слышала только голос Куприна, а потом голос мужа. Через некоторое время Антон Иванович учтиво проводил своего посетителя до лестницы и на изумленный вопрос жены: «В чем дело?» — коротко ответил: «Собирается возвращаться в Россию».

Вскоре Деникины из газет узнали, что в конце мая Куприны уехали в Москву, общественность приняла писателя тепло. Годом позже он тихо скончался.

Ближе всего судьба свела Деникиных со Шмелевым.

Сын разбогатевших крестьян, ставших московскими купцами, Иван Сергеевич Шмелев окончил университет в Москве и в молодости прошел обычные в то время для студентов дороги протеста и революционных настроений. В 1917 году он приветствовал революцию, но вскоре ужаснулся, увидев в ней лишь стихию разрушения и насилия, что он отразил в своей книге «Солнце мертвых». Переведенная на иностранные языки, книга эта произвела сильное впечатление на многих европейских писателей, в том числе и на Томаса Манна.

Доподлинно неизвестно, как Антон Иванович относился к творчеству Шмелева, но Шмелева как человека он ценил очень высоко. В эмиграции Шмелев оказался одним из немногих действительно близких ему людей.

— Он очень любил Шмелева, очень! У них было какое-то тонкое взаимопонимание, — утверждала в беседе со мной Марина Антоновна...

Окружающие Антона Ивановича таланты не могли не оказать благодатного влияния на его литературное творчество.

В 1928 году в Париже вышла в свет книга Деникина «Офицеры», раскрывшая его писательское мастерство беллетриста.

Книга Антона Ивановича не прошла незамеченной для эмигрантской общественности. Благожелательно откликнулась газета «Дни» Керенского (которого Деникин грозился в горячке Гражданской войны повесить) и эсеровская газета «За свободу» (с Савинковым у Антона Ивановича тоже не было взаимопонимания).

«Дни» опубликовали один рассказ из книги «Офицеры» («Враги»), препроводив его вступлением, в котором отмечалось, что редакция не подвергает разбору художественные достоинства сочинения.

«Но имя автора столько значительно и популярно для истории, что мы хотим ознакомить читателей с этой, по-видимому, случайной стороной деятельности выдающегося из участников Белого движения». Редакция оценила рассказ «Враги» как любопытный по ценности и «психологической выразительности»».

Газета «За свободу», как бы споря с «Днями», писала, что если будущие военные историки откажут Деникину в признании за ним дарования вождя, то «литературные критики охотно примут его в лоно талантливых писателей».

К слабому месту «Офицеров» можно отнести гротескное описание в рассказах красных комиссаров. Современный читатель без труда увидит ничем не прикрытую его тенденциозность.

В 1929—1931 годах в Париже вышла в свет книга Антона Ивановича «Старая армия» (в двух частях). В ней в отличие от «Очерков русской смуты» и «Офицеров» автор не претендует на роль историка-исследователя и прозаика. «Старая армия» — сложное сочетание мемуарных зарисовок с бытописанием и пространными авторскими рассуждениями о жизни и деятельности армии царской России.

Интересно, что генерала беспокоит не только военное прошлое, но и суровые реалии Европы, где в начале 1930-х все явственней пахло новой военной грозой. Причем такой военной грозой, какую еще не видывало человечество. Деникин публикует на страницах «Русского инвалида» небольшую статью «Этика войны». В ней он раскрывается как прекрасный знаток военной истории и как футуролог, заглядывающий в не столь отдаленное будущее.

Статью генерал заканчивает красивой отточенной и... страшной фразой:

«И если мировая совесть не заговорит громче и решительнее, то мир увидит закат своей культуры...»

Одним словом, хорошо, красиво, конечно, писал Антон Иванович! Действительно, к штыку приравнял перо. Но вот доход денежный его литературные опыты приносили мизерный. Бился он словно рыба об лед, стараясь обеспечить, по крайней мере, выживание своей семье. Бедность погнала его в скитания по небольшим французским городкам.

Думал ли генерал, что придется ему сменить их около 20? Причем долго нигде не задерживаясь...

В ПОИСКАХ ЛУЧШЕЙ ДОЛИ

*Не будем проклинять изгнание.
Будем повторять в эти дни слова ан-
тичного воина, о котором писал
Плутарх: «Ночью в пустынной земле,
вдалеке от Рима, я разбивал палат-
ку, и палатка была моим домом».*

В. Набоков

Приют эмигрантов — свободный Париж требовал много денег, а их у Деникиных всегда не хватало. Бедность, близкая к нищете, как злой рок преследовала генерала на чужбине до конца его дней.

Реэмигрант Д. И. Мейснер вспоминал: Деникин временно проживал в Праге в 1935 году «в бедной квартире»...

На одном из публичных выступлений бывшего белого вождя мемуарист увидел его одетым в «более чем скромную тройку и не совсем обычные тяжелые ботинки, в которых, вероятно, трудно и неудобно было ему ходить по раскаленным пражским тротуарам».

Но Антон Иванович никогда не сетовал на бедность, а больше переживал бедственное положение своих соотечественников в изгнании.

Лето 1930 года Деникины проводили не в Капбретоне. Дочь чуть не умерла, переболев тяжелой формой скарлатины, и врачи рекомендовали ей горный воздух. Удалось снять дом в деревне провинции Дофине, расположенной на склоне массива Беллфон, напротив гор Гранд Русс. И возраст девочки, которой исполнилось 11 лет, и хорошие отметки за семь школьных месяцев (в течение пяти месяцев каникул генерал занимался с ребенком только русским языком) побудили родителей перевести ее из начальной школы Нотр дам де Франс в лицей.

Поскольку ремесло писателя не могло больше кормить семью, Деникин вынужден принять предложение работать в одном из пансионатов, которые Союз бывших русских послов создал (на средства, положенные в свое время Временным правительством в иностранные банки) для «известных, почетных и... полезных эмигрантов».

Сумма в 1300 франков в месяц исключала всякую возможность снимать на долгое время «современную» квартиру с удобствами в Ванве. Встал вопрос, где проводить зиму?

Бывший подчиненный Деникина — полковник Лельявский разводил кур и кроликов на небольшой ферме в Кар-

ро (район приморских Альп) и мечтал приобрести другую по соседству, которая была, однако, слишком большой для одной семьи. Если бы его бывший начальник захотел?.. 29 августа 1930 Антон Иванович написал Лельявскому:

«Нам с вами ни денежно, ни в смысле работы справиться с усадьбой невозможно. Я лично могу работать по содержанию в порядке виноградника и сада, но для окапывания не гожусь (у генерала грыжа). Если же работы производить наемными руками — по вашему расчету, для виноградника нужно пять человек и три месяца — то такой расход непосилен».

В конце концов, после интенсивной переписки и обсуждения этого проекта он был оставлен. 18 октября Деникин уведомил Лельявского:

«Во всей этой истории с поисками жилища наиболее мне неприятно, что доставил вам столько хлопот и, как оказалось, напрасно.

Обстоятельства заставляют меня быть поближе к Парижу и завтра выезжаю в район Шартра, где нашли жилье (жена Деникина уже «на месте»).

Ликвидация летнего жилья в Альмоне, укладка, перевозка пришлось на сей раз исключительно на мою голову и посему заматался... Новый адрес: дом мадам Руссле, Сен-Пиа, департамент Орэ Луар».

Две комнаты в доме «мадам Руссле», снятые для Деникина Мельгуновым, будут лишь временным жилищем: семья скоро переедет в Ментенон. Они проведут два года в небольшом доме на улице Ноай, будут разводить гусей, уток, индюков, кур, кроликов и даже голубей, обрабатывать сад. В конце зимы 1933 года будут вынуждены вновь, в который раз, сменить место жительства из-за «драмы», пережитой дочерью.

Из воспоминаний Марины Антоновны:

«В конце октября 1930 года я поступила на правах полупансионерки в пятый класс лицея молодых девиц в Шартре. В течение двух лет получила много наград за исключением тех, что выдавались за оценку “превосходно”. Объяснялось это, и не без основания, “склонностью к болтовне и недостаточной дисциплинированностью”. Однако с мая 1932 года после убийства президента Думера “русским белогвардейцем” (в действительности агентом советской разведки) все изменилось. Директриса лицея мадам Лакруа, никогда меня не жалующая, вбила себе в голову отделаться от чужака, которым она меня считала. Так как мои преподаватели склонны были заступиться за меня, она решила обвинить меня... в краже. Мадам Рене Пуарье, преподававшая литературу, посоветовала моей матери сме-

нить учебное заведение прежде, чем должно было осуществиться это несправедливое деяние. Мадам Пуарье, которая раньше жила в Севре, удалось устроить меня в Севрский лицей, куда теперь надо было переезжать. Во флигель по адресу 15, улица Галле с нами переехали только два кролика и несколько кур. Отца (матери удалось заставить его поверить, что причиной исключения из лицея оказался какой-то дисциплинарный проступок) переезд ближе к Парижу вполне устроил. У меня же по сей день остается чувство горечи, оставленное незаслуженным обвинением со стороны ксенофобки мадам Лакруа».

И снова нужда. А издатели не хотели переиздавать книги генерала, хотя все были успешно реализованы. Газеты и журналы неохотно публиковали его статьи. И в конце концов, Антон Иванович был вынужден принять пенсию, которую выделял ему Союз бывших русских послов. Она предназначалась для видных деятелей русской эмиграции. Чтобы немножко пополнить свой бюджет, а также иметь возможность изложить свою точку зрения, Антон Иванович стал выступать с лекциями, которые потом издавались в виде брошюр. Их можно считать историческими и политическими зарисовками на злобу дня, выполненными в яркой публицистической манере.

Сохранились интересные сведения о дебюте генерала-лектора. В марте 1932 года он прибыл в Ментенон, где собрались парижские эмигранты. «Последние новости» сообщают об этом событии следующим образом:

«С 8 часов вечера улица Дарю чернела от народа, который толпился при входе в зал Шопена. Все пытались во что бы то ни стало проникнуть в битком набитый зал, хотели услышать, что генерал Деникин, 12 лет воздерживающийся от всякого участия в политической жизни, будет говорить о дальневосточных проблемах России. При появлении бывшего главнокомандующего большая часть зала встала и приветствовала его овациями. Генерал Деникин не только не разделял взглядов белых эмигрантов, делающих ставку на помощь японцев, но даже считал, что эта помощь будет губительной для интересов России. Часто прерываемый аплодисментами, оратор энергично осудил “лживых патриотов”: “Наша поддержка тех, кто хочет овладеть русским землями, совершенно недопустима”».

Антон Иванович избирательно подходил к аудитории. Он предпочитал, чтобы его слушателями являлись бывшие добровольцы, особенно «первопоходники», врангелевцы и галлиполийцы, а также эмигрантская молодежь и, наконец, рядовой белоэмигрантский обыватель. Генерал избегал выступлений в руководящих кругах различных политических

сил белой эмиграции. Видимо, он не хотел вступать в неизбежную и ожесточенную полемику. Уж слишком разнились пропагандируемые им взгляды от установок любых политических партий и организаций белой эмиграции.

Выступления Деникина выделялись своей актуальностью. Лучшее доказательство — бурная полемика, которая разворачивалась сразу после газетных отчетов о его выступлениях. В полемику включались наиболее авторитетные белоэмигрантские издания различной политической ориентации: «Часовой», «Возрождение», «Последние новости», «Дни» и другие.

Подобное не прошло незамеченным для французских спецслужб. Министерство иностранных дел Франции, в контексте отслеживания политических процессов в белоэмигрантских организациях, информировало военное министерство Франции о том, что публичные доклады бывшего вождя Белого движения, особенно его оценки Красной Армии, вызывают бурную полемику в политических и общественных кругах белой эмиграции.

Публичные выступления Деникина отличали высокое ораторское искусство, яркость, эмоциональность. Корреспондент журнала «Часовой» (заметим, журнала, который очень часто критиковал генерала) об одном из публичных выступлений Антона Ивановича высказался так:

«Генерал Деникин — оратор увлекающий, умный и многообещающий докладчик. Его речь была пресыщена рядом образных и запоминающихся выражений и летучих фраз».

Тем временем стало ясно, что работа по разведению домашней птицы и садоводству не по силам старому генералу и его не блестящей здоровьем жене. Поэтому семья Деникина покинула флигель на холме и переехала в меньшую, но более комфортабельную квартиру по адресу: 19, улица Лекок, недалеко от Севрского лицея, где Марина заканчивала учебу. С успехом сдав экзамен на бакалавра (по философии), она в сентябре 1936 года уезжает в Великобританию усовершенствоваться английский и преподавать французский.

В 1937 году генерал получил официальное приглашение от короля Румынии посетить страну. Поскольку дочь обожала путешествия, отец решил взять ее с собой в качестве секретаря. Деньги, предоставленные посольством, позволили купить обязательный для банкета пиджак, которым пришлось довольствоваться вместо парадного мундира, и два билета туда и обратно в третьем классе до границы Румынии и в первом классе по самой стране: положение обязывало.

Пребывание в Бухаресте оказалось очень приятным, несмотря на то, что к генералу и его секретарю и днем и но-

чью были приставлены телохранители. Разместили их в лучшей гостинице Бухареста, где проживали также и члены советской делегации. Газеты, вышедшие 8 ноября, писали о совпадении:

«В то самое время, когда посольство СССР давало пышный завтрак в честь двадцатой годовщины Октябрьской революции, король Карол в своем дворце принимал бывшего главнокомандующего белой армией».

В память об этом дне Деникин оставит у своего секретаря королевское меню, написанное на великолепном французском языке, с автографом Карола. Вина и ликеры в меню не фигурировали; но, по утверждению Деникина, «они были превосходны».

20 ноября «временно исполняющая должность секретаря» отправилась в Англию, чтобы приступить к своим функциям гувернантки. Члены семьи Грей были людьми тактичными, чуткими и воспитанными. Отношения их со своей гувернанткой стали такими теплыми, что они обращались с Мариной, как с родной дочерью, и когда через несколько лет Марина должна была выбирать псевдоним для своей журналистской деятельности, она остановилась на имени своих «английских родителей». Псевдоним Грей Марина Антоновна пронесла через всю свою творческую жизнь...

Весной 1938 года генерал Деникин и его жена, здоровье которой все больше и больше ухудшается, покидают Севр и отправляются отдыхать в Савою. Этот отдых омрачает тревога, которую начинает испытывать западноевропейское общество в дни, предшествующие мюнхенским соглашениям.

«27 сентября 1938 года.

Валлюар ждет полной эвакуации и, в случае мобилизации, все дороги будут запружены. Поэтому мы сундук и вообще более тяжелый багаж отправили заблаговременно в Сен-Мишель; остальное укладываем и уедем отсюда в ближайший день, как только поправится больная мать.

В Сен-Мишель, вероятно, задержимся дня на три; парижская квартира остается за нами, но вопрос осложняется тем, что и Париж предполагают эвакуировать... Таким образом, судьба, по-видимому, заставит меня пережить четвертую войну, но пережить пассивно — во чужом пиру похмелье!»

«5 октября 1938 года.

В течение целой недели мы жили у Михайловых в Сен-Мишель. Завтра уезжаем в Париж. Оказалось, что французы, занимающие нашу будущую квартиру, съедут не 5-го, а только 15-го. Придется отправиться в Ашэр, к Шиловым».

«16 октября 1938 года.

Отдохнули мы больше недели в Ашэре, избавленные от хозяйственных работ и воспользовавшись отличной погодой и шилловским гостеприимством.

Во вторник утром переедем на новую квартиру — 40, улица Лакордер, Париж, 15».

«25 октября 1938 года.

Мы на новой квартире, маленькой, но удобной во всех отношениях, кроме одного: темная. И это обстоятельство удручает особенно маму. Пока полный хаос, так как обоим нездоровится, и поэтому работа по устройству квартиры идет медленно».

18 октября 1938 года Деникин писал своей дочери:

«Маша, птенчик мой, я скучаю без тебя. Мне очень не хватает твоего ворчливого голосишки...»

«“Ворчливый голосишко” скоро опять зазвенел на четвертом этаже дома на улице Лакордер», — вспоминала Марина Антоновна. Закончив обучение своей питомицы Анны Грей французскому языку и культуре, генеральская дочь вернулась как раз тогда, когда ее отец проводил в Париже последнюю конференцию на тему «Международные события и русский вопрос».

БИТВЫ ПОЛИТИКОВ

Кому не приходилось хотя бы однажды жертвовать самим собою за свою добрую репутацию?

Ф. Ницше

— Да что вы все талдычите: государь-император. Да отдал он Россию мужлану Распутину!

— Зачем же так категорично? Вы оскорбляете светлую память убиенного...

— А затем, — грубо перебил собеседника спорщик. — Я шел с Деникиным по Кубани, уходил с Врангелем из Севастополя, гнил в галлиполийских лагерях, но веры в Белое дело не потерял! Только белая идея может возродить Великую, Единую и Неделимую Россию!

— Но русский народ отверг белых генералов!

— Слушай, ты, тыловая крыса. Да я сейчас тебя...

На спорщиков, готовых вцепиться в глотку друг другу, никто из привыкших к таким сценам парижан, сидящих в

душном бистро, особого внимания не обращал. Только за одним из столиков с ехидцей заметили:

— Русские эмигранты продолжают Гражданскую войну...

Да, Мекка русской эмиграции кипела политическими страстями. Не миновала чаша сия и Антона Ивановича...

«По приезде в Париж сразу окунулся в водоворот эмигрантского политиканства, подвергаясь “уловлению” со стороны одних, желавших использовать мой авторитет и мое перо, и травли со стороны других — и справа и слева.

Великий князь Николай Николаевич через Кутепова выразил желание повидаться со мной. Я отношусь к нему с уважением, но не пошел. Что я могу сказать ему? Что дело его обречено, ибо все окружение его, утопая в дрызгах, под прикрытием двусмысленной фразеологии проводило идеи реакции, реставрации старого режима?

Врангель, крайне обеспокоенный моим появлением на парижском горизонте в 1926 году, когда парижская воинская и гражданская общественность чествовала меня банкетом, совершенно неожиданно приезжает в Париж и, хотя в последующие годы мог убедиться в том, что я ничем и никак не мешаю ему “спасать Россию”, продолжает интриговать против меня.

Кутепов заходит часто, ища моральной поддержки против Врангеля и не особенно жаловавшего его (Кутепова) великокняжеского окружения. Спрашивал не раз моих советов, но их редко исполнял, обиженный моим скептическим отношением к его работе в Советской России.

Завершение “Очерков...” предоставило мне свободное время. И я хотел и мог использовать его для русского дела. Ни в какие политические партии и организации я не входил. Национальное самосознание русской эмиграции замутилось донельзя. Заблудились в трех соснах...

Свой двуединый символ веры я определил кратко: “Свержение Советской власти и защита России”.

И вот оказалось, что для такой постановки национальной русской проблемы нет места в современной эмигрантской печати!..

“Последние новости” изъяли вовсе из своего лексикона понятие “национальный”, подменив его презрительным “националистический”. Как партия Милюкова, так и его газета огульно поносили русское прошлое, осуждали в целом Белое движение и, главное, относились с каким-то полупризнанием к Советской власти.

Поэтому дважды сделанное мне предложение сотрудничать в газете было отклонено.

Гукасовское “Возрождение” поддерживало идею полной реставрации старого режима даже за счет территориальных уступок в пользу случайных союзников, взявших на себя задачи свержения Советской власти. Поэтому два обращения к Струве о сотрудничестве также ни к чему не привели.

Итак, серьезно заняться журналистикой не пришлось. Раз или два в год я выступал с обширным докладом на тему «Мир, Россия и эмиграция» в Париже, делал сообщение в Лондоне, Брюсселе, Праге, Белграде. Эмигрантская печать давала обширные выдержки, причем не раз — умышленно или случайно — искажая основные мои мысли. Особенно отличалась в этом отношении нью-йоркская “Россия”.

Перед нами своего рода своеобразный отчет о политической деятельности Антона Ивановича в Париже в 1926—1939 годах, написанный им в 1944 году.

В Париже Деникин оказался в центре политического вихря: как слева, так и справа его пытались перетянуть на свою сторону, использовать в своих интересах его популярность и перо. Другие занялись его травлей. Особенно сложно складывались отношения бывшего вождя Белого дела с руководящим ядром РОВС, внутри которого не было единства: Врангель считал, что именно вокруг армии надо объединить всю русскую эмиграцию, Кутепов полагал необходимым сохранение организованной русской силы, другие, напротив, были убеждены, что это нереально.

Деникин всячески избегал возможности как-то влиять на политику РОВС, обострять отношения с его начальником генералом Врангелем, одним из наиболее авторитетных лидеров антисоветской борьбы в белой эмиграции. Командование РОВС, этой, как писали тогда, «армией без территории», относилось прохладно к бывшему вождю Белого движения. Но Антон Иванович имел большой нравственный авторитет среди многих бывших добровольцев — членов союза, поэтому командование РОВС было вынуждено приглашать его на некоторые мероприятия, проводимые под его эгидой.

На одном из таких собраний случилось недоразумение, довольно наглядно иллюстрирующее всю сложность отношений генерала с РОВС на ранней стадии его существования.

В дневнике фон Лампе (запись 1926 года) отмечается, что на собрание бывших добровольцев был приглашен в качестве почетного председателя Антон Иванович. Лампе посоветовал рабочему председателю, некоему полковнику Гесселю, не «стучаться перед личностью почетного председателя» и уверенно вести собрание лично. Гессель не нашел ничего лучшего, как

передать эти указания фон Лампе Деникину. Тот в знак протеста покинул собрание. А кто-то еще шепнул генералу — все это исходит от Врангеля. Тогда фон Лампе послал извинительное письмо Антону Ивановичу от имени командования РОВС. Ответа не последовало.

В таком на первый взгляд мелочном конфликте просматривается не только игра амбиций и честолюбий, а более глубокий смысл. Конфронтация Деникина с Врангелем в 1917—1920 годах не прошла бесследно для ее участников. Теперь она проявлялась в скрытых формах, но по-прежнему мешала консолидации военного ядра белой эмиграции.

Единственное, что можно утверждать точно: смерть Врангеля разрешила затянувшийся конфликт. Деникин отдал дань уважения памяти усопшего, приняв участие в панихиде по последнему главнокомандующему русской армией, состоявшейся 26 апреля 1928 года в Брюсселе. После его смерти генерал не допускал полемических замечаний в адрес покойного.

Однако на фоне скрытой конфронтации с Врангелем Антон Иванович на протяжении ряда лет поддерживал дружеские отношения с Кутеповым, хотя и скептически относился к его деятельности во главе РОВС. Кутепов в мае 1929 года высказался решительно:

«Нельзя ждать смерти большевизма, его надо уничтожить».

Деникин соглашается с этим, но совершенно не одобряет методов борьбы Кутепова. После скандала с «Трестом», антисоветской подпольной организацией, созданной... ОГПУ, бывший главком ВСЮР более чем когда-либо считает, что деятельность одного из его лучших бывших командиров носит «дилетантский» характер и не может иметь большого значения.

Последняя встреча генералов состоялась в Ванве под Парижем в ноябре 1929 года. Кутепов, казалось, был очень уверен в себе.

— Антон Иванович! В России происходят великие события, — с несвойственным ему пафосом воскликнул Кутепов. — Никогда еще оттуда не прибывало столько людей с предложениями сотрудничать с их тайными организациями.

— Не бойтесь вы, что это просто провокаторы? — спросил Деникин.

— Конечно, среди них есть и провокаторы, но я тотчас же их распознаю. Процесс контролируется мной. Впрочем, даже провокаторы приносят свою пользу.

Услышав дальше кутеповский рассказ, Антон Иванович был потрясен до глубины души.

Из воспоминаний Деникина:

«...Номер телефона одного из агентов с точностью до одной цифры совпадал с номером советского посольства, но случилось, что телефонисты ошибались. Совсем недавно произошло следующее недоразумение: агент получил сообщение по-русски, предназначенное для одного из членов посольства. Продолжая игру, он притворился, что он и есть этот человек. Ему назначили свидание в определенном месте и в определенное время с целью передать ему чемодан. Кутепов поручил это дело своему брату; тому передали пакет. Документы, содержащиеся в нем, в настоящее время расшифрованы, некоторые уже были раскодированы. Они представляли большой интерес: речь шла о советских шпионах, работавших под видом белоэмигрантов.

— Александр Павлович, не говорите мне, что вы верите во все это! Вас хотят еще раз мистифицировать.

— Нет, это не похоже на мистификацию. То, что эти документы попали в наши руки, вредит больше им, чем нам.

Кутепов принялся цитировать имена известных эмигрантов, оказавшихся агентами ОГПУ».

Командование РОВС увидело в экс-главкоме ВСЮР серьезного противника.

15 апреля 1934 года фон Лампе направил письмо председателю РОВС, в котором предложил генералу Миллеру как высшему должностному лицу союза, ответственному за его политическую линию, провести «решительное отгораживание от генерала Деникина». Это необходимо потому, что Деникин пользуется большим авторитетом среди многих бывших офицеров.

В итоге, предупреждал Лампе своего начальника, в Берлине общественность до сих пор воспринимает публичные выступления генерала как политические установки командования РОВС. «Очень трудно в разговорах отстаивать самостоятельность РОВС от генерала Деникина».

Подобное признание одного из ведущих функционеров РОВС свидетельствует: Антон Иванович своей позицией наносил серьезный удар по политической линии руководства союза.

Старшие начальники РОВС внимательно следили за высказываниями генерала. В ГАРФ я обнаружил в одном из дневников Лампе восемь вырезок из различных эмигрантских газет, в которых нашла отражение полемика вокруг одного из публичных выступлений бывшего вождя Белого дела в 1932 году.

В частном же письме Лампе отмечает, что он собрал шестьдесят восемь (!) вырезок из газет с подобными матери-

алами и делает вывод, что полемика генерала Деникина по вопросу отношения к Советской России идет вразрез с политикой РОВС и является «слюнтяйством»¹².

Окончательный разрыв Антона Ивановича с РОВС произошёл, как только его руководители пошли на организационные контакты с германскими нацистами.

— У папы из-за ориентации начальства РОВС на Гитлера резко охладилась отношения с генералом Миллером, — рассказала мне Марина Антоновна. — Но буквально за три дня до похищения Миллера агентами НКВД на торжественном обеде Корниловского ударного полка, генерал Миллер подошел к папе и сказал:

— Ваше превосходительство, вы оказались правы, а я нет! На Гитлера рассчитывать нельзя...

Запоздалое прозрение...

Парижский период утверждает Деникина как крупного политического деятеля белой эмиграции. Но сам он классифицировал свою деятельность в белой эмиграции как общественную. По моему суждению, деятельность генерала носила все-таки политический характер. Хотя, если подходить с классических политологических канонов, то в поведении Антона Ивановича отсутствовали некоторые признаки, характерные именно для политической деятельности. Он, в частности, не боролся за власть и лидерство в каких-либо организационных структурах Белого движения, даже не входил в состав ни одной из крупных политических партий и группировок белой эмиграции.

Бывший вождь Белого движения, по образному выражению реэмигранта Б. Н. Александровского, был «политическим одиночкой, которого невозможно уложить в рамки какой-либо определенной группировки».

Несмотря на попытки уйти из политической жизни белой эмиграции, Деникин в конечном итоге стал ее активным субъектом. После разрыва с РОВС он стал относиться резко отрицательно к деятельности эмигрантских организаций главным образом из-за засилья в них иностранного влияния:

— Иностранцы, все ради иностранцев! — возмущался бывший главком ВСЮР.

До конца своей политической деятельности генерал сохранял, насколько это было возможным, организационную самостоятельность. Но он готов был к тесному сотрудничеству с теми, кто разделял его взгляды.

Деникин совместно с историком Мельгуновым и бывшим российским промышленником А. О. Гукасовым создал

свою организацию вокруг газеты «Борьба за Россию», которую редактировал С. П. Мельгунов в 1929—1930 годах. Деятельность «Борьбы за Россию» оценивалась в эмиграции не очень высоко. Лампе не без сарказма писал в своем дневнике:

«Истерический социалист Мельгунов пытается доказать общественности значимость своей газеты для антибольшевистской борьбы, хотя на самом деле она не приносит пользы кому-то, кроме сотрудников этой газеты, которая, наверное, до России не доходит».

Относительно последнего утверждения Лампе не ошибся. Газета Мельгунова переправлялась нелегальным путем для распространения в СССР. Об этой акции ОГПУ было хорошо осведомлено, и все номера газеты перехватывались и уничтожались.

И тем не менее связи организации с антисоветским подпольем, скорее всего, имелись. Американский историк Поль Блесток, в прошлом сотрудник спецслужб, изучавший архивы Мельгунова, хранящиеся в Лондонской экономической школе, пришел к выводу: «Борьба за Россию» имела в СССР своих агентов, которые якобы даже пытались... убить самого Сталина.

Блесток делает такое заключение:

«Мне трудно все же решить, где принималось это решение — в Париже или в СССР...»

Деникин руководил в 1938 году Союзом бывших добровольцев, который объединял в своих рядах бывших офицеров армии царской России, служивших в годы Гражданской войны в ВСЮР и русской армии Врангеля. Хотя Союз бывших добровольцев занимался главным образом пропагандистской деятельностью, он попал в поле зрения 2-го бюро генерального штаба вооруженных сил Франции, а также Управления национальной безопасности Франции и Главного контроля служб административной полиции в качестве политической организации белой эмиграции.

Французские спецслужбы предельно внимательно отслеживали деятельность Союза бывших добровольцев и, прежде всего, потому, что им руководил бывший главком ВСЮР генерал Деникин. Агенты спецслужб Франции занесли союз к организациям, которые приобретают особую значимость. По их мнению, союз не представляет опасность для национальных интересов Франции, но важна сама по себе позиция генерала Деникина. В недатированном донесении 1938 года констатируется следующее:

Союз волонтеров Гражданской войны, которым руководит генерал Деникин, организовал публичные выступления своего

руководителя 17 и 25 декабря 1938 года в зале «Chorja a'Paris». Сюжет лекций следующий: «Мировые события и русский вопрос». В агентурных сводках особо отмечается также и то, что А. И. Деникин не хочет вступать в контакты с эмиссарами монархистских организаций белой эмиграции, всячески подчеркивает свою особую позицию в вопросах антисоветской борьбы.

И политическая организация, созданная вокруг газеты «Борьба за Россию», и Союз волонтеров Гражданской войны в организационном отношении являлись недостаточно сильными. Их нельзя, даже приблизительно, сравнить в этом контексте, например, с РОВС. «Борьба за Россию» была малочисленной организацией, с налетом сектантства. А приоритетным направлением деятельности Союза волонтеров Гражданской войны являлась пропагандистская работа внутри белой эмиграции во Франции.

Фигурой Деникина интересовалась не только Франция. В ЦХИДК хранятся документальные материалы о деятельности разведки Польши против СССР в 20—30-е годы минувшего века. Из них вытекает, что польская разведка занесла генерала в специальный список подучетных лиц, проживающих в разных странах, с которыми возможно сотрудничество.

Правда, создается впечатление, что это было сделано для благополучной отчетности перед начальством. Против фамилии бывшего вождя Белого движения нет никаких пометок, кроме формальных данных:

«№ 480. Деникин А. И. — родился в 1872 г., генерал, Париж».

В то время как перед другими фамилиями имеются рабочие пометки принципиального характера. Так, против фамилии неизвестного нам М. А. Федорова написано следующее:

«...Бывший офицер-корниловец. По сведениям Хиткова, отъявленный провокатор, агент Хоржевского, большевиков и чешской полиции. После разоблачения Никитина проживает в Праге. Русские эмигранты избегают его».

Думается, что нельзя даже гипотетически допустить, чтобы генерал Деникин сотрудничал с иностранной разведкой против своего Отечества, а уж тем более с разведкой Польши, государства, которое так жестоко предало его в годы Гражданской войны в антибольшевистской борьбе.

Перипетии политической борьбы свели Антона Ивановича с Милюковым.

Павел Николаевич Милюков вообще не был склонен высоко оценивать политическую деятельность генерала Деникина в годы Гражданской войны и после нее, в период эми-

грации. Об этом он, судя по мемуарам Д. Мейснера, ближайшего своего сотрудника, откровенно говорил в кругу своих соратников. Но у этих политических фигур были между тем предпосылки к сотрудничеству, так как оба в исследуемый период не придерживались крайне правых взглядов.

Милюков, в свете своей «новой тактики», не мог не одобрить призывов генерала к объединению сил белой эмиграции для достижения успехов в антибольшевистской борьбе. Об этом Антон Иванович открыто заявил еще в приветствии зарубежному съезду, о чем было известно Милюкову. Знал лидер РДО по эмигрантской печати, что бывшего вождя Белого движения особенно волновали расхождения во взглядах среди бывших добровольцев:

«Не кажется ли вам, соратники-первопоходцы, что тогда в 1-м Кубанском походе душевное состояние было все же проще, цельнее, яснее, чем теперь?»

Апеллируя к общественному мнению, генерал заявил, что если эмиграция не поймет необходимости перед лицом возрождения России отречься от своих мелких политических счетов, то ей «грозит политическая смерть».

Милюков не мог не одобрить эволюцию бывшего главкома ВСЮР в отношении Советской России. Она просматривается в ответе генерала на письма анонимного красного командира, опубликованные газетой «Возрождение» в 1928 году.

«Я совершенно согласен с вами, — писал Деникин анонимному оппоненту, — что над Россией нависли грозные тучи со всех сторон... Теперь уже открыто говорят о разделе».

Такая оценка вызвала критику во многих эмигрантских газетах. Это не без удовлетворения отметил в своем дневнике фон Лампе. Вместе с тем газета «Русь», полемизируя с газетой Керенского «Дни», писала 1 мая 1928 года:

«Генерал Деникин, спасший Россию в степях Кубани не из окна бронепоезда, а из сомкнутых цепей добровольческих дружин, призывает не к братанию с коммунистами, а к неустанной работе, направленной на свержение советской власти».

Многих в эмиграции смутили призывы Деникина о защите родных очагов. Генерал, однако, не отказался от своего воинствующего антикоммунизма. Его позиция стала приобретать определенную стройность, о чем свидетельствуют публичные выступления 1930-х годов.

Главная мысль Антона Ивановича — оказать поддержку Красной Армии в случае нападения на СССР, но после этого обеспечить ее выступление против большевистского режима:

— Рано хоронить еще Россию! Освобождение России, а не завоевание России, с народом, а не против народа. Свержение советской власти при всех обстоятельствах. Благодарность тем иностранным державам, которые подлинно желали бы помочь России, и отпор захватчикам и расчленителям.

Подобная позиция Деникина перекликается с «новой тактикой» Милюкова. Говоря же о поддержке Красной Армии в случае агрессии, генерал одновременно допускает возможность интервенции, если она будет на пользу России. И тут же утверждает, что «мы не можем идти в ногу с захватчиками русской земли». Милюков в своей «новой тактике» подобных противоречий не допускал.

Противоречивая позиция Деникина встречает неприятие в определенных кругах белой эмиграции. После интервью парижской газете «Petin arhal», где Антон Иванович называл изменниками всех, кто желает поражения Советской России в войне, он был подвергнут резкой критике в журнале «Часовой». Его позиция была названа «охотой за двумя зайцами».

Полемика Деникина с Милюковым о путях русской эмиграции заинтересовала советскую разведку.

В одном из докладов Разведывательного управления РККА высшему военно-политическому руководству СССР отмечалось, что Милюков создает в Париже оборонное движение, которое ставит целью объединение эмигрантов и содействие в меру возможностей обороне СССР. Это движение поддерживает Деникин.

Но Разведывательное управление РККА оценило это явление с моей точки зрения однобоко, классифицировав его как проявление дальнейшего разложения эмигрантской среды¹³. Шагов к поиску точек соприкосновения с левыми кругами эмиграции с советской стороны не последовало.

Парадокс состоял в том, что в отличие от Милюкова, решительно не веря в патриотический потенциал советской власти по защите России, генерал Деникин одновременно все больше проникался искренней симпатией к Красной Армии. На одном из публичных докладов, вспоминал ре-эмигрант Л. Любимов, он обрушился на тех, кто утверждал, что стоит только гитлеровским дивизиям хлынуть через советскую границу, как Красная Армия обязательно побежит.

— А может, не побежит! — патетически воскликнул Антон Иванович. — Храбро отстоит русскую землю, а затем повернет штыки против большевиков.

Эклектика Деникина состояла еще в том, что он не верил в советский патриотизм личного состава РККА, хотя не

раз заявлял, что и «под советским мундиром может биться русское сердце».

Поиски «двойной задачи» — это не метания обанкротившегося деятеля, не попытка уйти от борьбы через компромисс, в котором нужно было бы совмещать несовместимое. «Двойная задача» Деникина была по-своему им аргументирована, нашла поддержку в определенных кругах белой эмиграции. Но она была утопичной.

Утопизм «двойной задачи» усугублялась тем, что бывший вождь Белого дела, будучи ярким антисоветчиком, упорно не хотел замечать позитивные изменения, происходившие на его Родине. Налицо догматизм мышления. Причем догматизм, который, как это не парадоксально, проявлял деятель, имеющий неординарные аналитические способности. Что ж, ненависть, увы, может только ослеплять...

Трудно поверить, что Антон Иванович не слышал о достижениях Советского Союза. В то время на Западе об этом говорили во весь голос. Уолтер Липман писал еще в 1928 году:

«Из СССР приходят вести о разработке пятилетнего плана. Большевики замыслили что-то невероятно дерзкое: одним рывком построить в своей отсталой стране современную промышленность. О советском пятилетнем плане с интересом говорят в рабочих клубах Америки. Буржуазные пропагандисты призваны нейтрализовать этот интерес после чудовищного разорения войной 1914—1921 годов и в стране начался бум темпов, всенародного энтузиазма, которого Россия еще не видела, рождение коллективистской солидарности, время порывов и открытий во всех сферах науки и культуры...»

Конечно, современный уровень накопления исторических знаний дает картину, какой ценой оплачена сталинская индустриализация, которой так восхищался Уолтер Липман. «Год великого перелома», «Коллективизация сельского хозяйства», превратившая огромную массу сельского населения в полукрепостных.

Увы, это наша история...

Но разве можно опровергнуть то, что в стране произошла культурная революция? Огромной массе людей впервые стали доступны многие духовные ценности. И это тоже наша история.

И очень жаль, что Антону Ивановичу Бог не дал прозрения увидеть и светлые стороны истории СССР в 1920—1941 годах!

Гипотетически можно предположить, что Милюков, позиция которого отличалась большей реалистичностью, пытался заполучить генерала в союзники, переубедив его:

Мейснер вспоминал, что когда он в качестве корреспондента «Последних новостей» изложил взгляды Деникина Милюкову, тот вычеркнул абзац о «двойной задаче», оставив одну — защита России. Антон Иванович неистовствовал:

— Что же вы из меня милюковца делаете! Я же не то говорил, что вы пишете.

Д. Мейснер передал его возмущения Павлу Николаевичу. Тот ответил:

— Я хотел вытащить его из трясины, в которой он завяз с этой бессмысленной «двойной задачей».

Мемуарист прокомментировал данный факт так: шеф «хочет от бывшего главкома ВСЮР большего соглашения, чем это было возможно».

Взаимопонимание двух деятелей не состоялось.

Правые круги белой эмиграции воспринимали «двойную задачу» бывшего вождя Белого дела с неприязнью. Лампе считал, что Деникин договорился до абсурда, чуть ли не призывая эмиграцию вступать в Красную Армию.

Характерно, что генерал, продолжая шлифовать свою «двойную задачу» в противоборстве с милюковцами и правыми, несмотря на утопичность ее в целом, проявлял иногда и политический реализм. Он реалистично оценил обстановку в связи с делом М. Н. Тухачевского и других в 1937 году. Если в некоторых эмигрантских кругах говорили о внутренней оппозиции сталинскому режиму в СССР, то Деникин понял, что это далеко не так. В письме дочери от июня 1937 года он пишет:

«Ты спрашиваешь, что произошло в России? Идет самопожирание большевизма. [...] Никаких “измен” и “продажности”, конечно, не было. Тухачевский — авантюрист, человек беспринципный и жестокий, но и он никому не “продавался”. Вообще, никакой идейности в происходящем нет, есть только борьба за власть. Сталин довел кровавую “пирамиду” до самой верхушки и остался с глазу на глаз со своим ближайшим помощником и другом Ворошиловым. Очередь за последним. Сталин и Ворошилову перережет горло, если тот не догадается вовремя перегрызть горло Сталину...»

Не все угадал Антон Иванович. Но кто знает, что было бы с «первым красным офицером» Климом Ворошиловым, если бы Сталин не умер в марте 1953 года?

Вокруг имени Деникина имелось много спекуляций, досужих вымыслов, слухов и искажений как в белоэмигрантской литературе, так и в советской. Антон Иванович, как правило, в полемику не вступал, полагая, очевидно, что ис-

тину легко найти, если внимательно вчитаться в его «Очерки русской смуты» и другие произведения. Но иногда он вынужден был реагировать и давать отпор, если фальсифицировались его духовные принципы.

В 1928 году активный участник российской революции 1905—1907 годов С. Милославский в своих воспоминаниях писал, что в созданном в 1905 году на Дальнем Востоке революционном союзе числился Деникин, который был законспирирован и ничем себя не проявил. Его вступление в союз уже в высших чинах, по утверждению Милославского, произвело на местных революционеров «чрезвычайное впечатление». Числился Деникин в союзе якобы недолго и отошел от него уже в 1906 году, когда организация стала приобретать более четкие и на этот раз вполне революционные формы.

«Но и этот исход не носил характер разрыва: разговора в нашей среде было достаточно, и я хорошо помню, генеральскому выходу был придан характер не контрреволюционного выступления, но лишь конспиративной меры. В 1919 году, работая в подполье во время деникинщины на Украине, не раз приходилось вспоминать Деникина 1905 года».

Милославский не прав. Не в характере генерала было заниматься конспиративной деятельностью, о чем он прямо заявляет в своих «Очерках русской смуты». А они написаны на семь лет раньше воспоминаний Милославского. Кроме того, мемуарист допустил и фактическую ошибку: в 1906 году Деникин был полковником, а не генералом...

Но то, что сегодня очевидно нам, было не всегда очевидным в 1930-е годы для белоэмигрантской общественности. Чтобы прекратить всевозможные спекуляции, Деникин дал опровержение на эту публикацию в одну из самых влиятельных и многотиражных газет белой эмиграции — «Последние новости».

Причем это опровержение было написано с присущими Деникину иронией и сарказмом.

В нем, в частности, отмечалось, что генерал ни в какой тайной или явной политической организации не состоял, так как всю жизнь работал открыто, «ни с одним революционером до конца 1917 года знаком не был, а если кого-нибудь из них видел, то только присутствуя случайно на заседаниях военных судов».

Опровержение достигло цели.

Политический боец Деникин постоянно рисковал жизнью. Мейснер вспоминал о том, что увидел в бедной квартире бывшего вождя Белого движения на письменном столе браунинг.

«Этот неслучайный револьвер, — заключает мемуарист, — как бы символизировал отношение Деникина к окружающему миру и событиям».

Для этого у Антона Ивановича имелись основания.

23 сентября 1937 года НКВД СССР провел удачную операцию по похищению начальника РОВС генерала Миллера. В операции немаловажную роль сыграли белоэмигрант генерал Н. Скоблин*, активный участник Гражданской войны, в РОВС он имел почетное звание «командир Корниловского ударного полка», и его жена Н. В. Плевацкая, известная исполнительница русских песен и романсов, любимица русской публики — «курский соловей».

Марина Антоновна в монографии «Генерал умирает в полночь» доказывает, что генерал Скоблин и его жена пытались организовать и похищение ее отца. Имеются такие показания полковника Трошина и штабс-капитана Григуля на суде (доверенных лиц Скоблина в РОВС) о поездке Скоблина в день исчезновения Миллера к генералу Деникину.

Деникин жил в Севре, ближайшем предместье Парижа. Формальным поводом визита к Антону Ивановичу являлось желание Скоблина выразить ему благодарность за участие в банкете в связи с юбилеем Корниловского полка. Однако это был лишь повод. Скоблин мог поблагодарить Деникина и письмом, что неоднократно делал в отношении других известных людей эмиграции.

Штабс-капитан Григуль вспоминает, что Скоблин принялся уговаривать генерала Деникина поехать с ним на автомашине в Брюссель якобы для встречи с жившими там корниловцами. Антон Иванович уклонился от предложения: настораживала поспешность и настойчивость, с которой Скоблин обхаживал бывшего вождя Белого движения.

Самые интересные подробности мне сообщила в частном письме Марина Антоновна:

«В день похищения Миллера Скоблин (которого он не любил и которому не доверял) явился к нам на квартиру; мы с мамой еще оставались на летних каникулах на Атлантическом океане, в городке Мимизан. Перед этим за два-три дня, на корниловском празднике, Скоблин пристал к папе, чтобы он согласился вернуться к нам... на автомобиле генерала Скоблина. Папа резко отказался. В день же похищения Скоблин

---

* Небезынтересно, что один из крупнейших советских разведчиков Второй мировой войны Леопольд Треппер в своей книге «Большая игра» (М., 1990) утверждает, что именно Скоблин подсказал гитлеровским спецслужбам идею о компрометации Тухачевского.

приехал предлагать папе отвезти его в Бельгию на тамошний праздник корниловцев. Стал снова настаивать. Папа рассердился, а в это время из соседней комнаты вышел солидный казак (он был нашим соседом, так как очень бедствовал, его «нанимали» иногда, чтобы натирать полы). Поняв, что папа не один и что казак все слышал, генерал Скоблин сейчас же удалился; через окно папа видел его садящимся за руль... в компании двух мужчин. О всем этом папа давал свидетельство под присягой на процессе Плевицкой. Документы сохранились. Хотел ли кто-нибудь похитить папу или нет, трудно решить...»

Действительно, трудно. Остается только надеяться на то, что все тайное когда-то становится явным...

На допросе в качестве свидетеля по делу Плевицкой, обвиняемой в соучастии в похищении генерала Миллера, Антон Иванович держал себя достойно. В описании корреспондента «Последних новостей» бывший главком ВСЮР предстает здесь как уверенный в себе человек:

«Он твердой поступью проходит через зал и занимает свое место. Показания Деникин дает по-русски, через переводчика, краткими и точными фразами. Достоинство, с которым он держится, прямота и ясность ответов производят большое впечатление на суд».

Впечатляет и его ироничность. На вопрос судьи, не находится ли бывший вождь Белого движения в родственных отношениях с Плевицкой он ответил:

— Бог миловал.

Во время суда над Плевицкой выявились и дополнительные факты. Оказалось, что Скоблин и ранее предлагал Антону Ивановичу поездки в Брюссель.

— Почему вы отказались? — спросил Деникина председатель суда Дельрог.

— Я подозревал Скоблина в сочувствии большевизму с 1927 года, — отвечал генерал.

— Вы опасались Скоблина или Плевицкой?

— Не доверял обоим.

Слова Антона Ивановича были лишь слабым отражением его подозрений. Более убедительно прозвучали в ходе судебного разбирательства показания Г. З. Беседовского, советника советского посольства, оставшегося на Западе в 1929 году. Он заявил, что советскому посольству известно о деятельности белой эмиграции во Франции через «генерала, женатого на певице».

Можно согласиться с гипотезой писателя В. Костикова о том, что НКВД замыслил инсценировать процесс белых

генералов на фоне происходящего в 1937 году уничтожения командных кадров Красной Армии. Заполучить Деникина в застенки НКВД представлялось бы в данной случае большой удачей. Но это только предположения.

11 декабря 1938 года Антон Иванович написал дочери, что закончил уже показания в суде, но мама бывает там каждый день — до среды. Просил, если английские газеты напечатают о процессе, то чтобы Марина привезла вырезки.

Суд счел вину Плевицкой доказанной и приговорил ее за участие в похищении генерала Миллера (она — сообщница своего мужа генерала Скоблина) к 20 годам заключения. Она умерла при странных и невыясненных обстоятельствах в Реннской тюрьме 21 сентября 1940 года.

Весь парижский период жизни и деятельности Антона Ивановича — тревожное ожидание грядущей войны и возможных изменений в белоэмигрантском социуме.

Он считал, что японский милитаризм после оккупации Маньчжурии стал представлять непосредственную опасность для России. Во второй половине 1930-х годов *генерал Деникин определил уже гитлеровскую Германию как самого мощного врага для России*. Перед эмиграцией, считал генерал, остро встала проблема выбора. По его мнению, она должна поддержать его «двойную задачу».

Остался он последовательным и в позиции о неучастии белой эмиграции «в чужой гражданской войне». Испытывая личные симпатии к Франко, генерал, однако, категорически выступил против участия бывшего белого воинства в гражданской войне в Испании на чьей-либо стороне. По-прежнему оставался он последовательным и в вопросах объединения сил белой эмиграции в антибольшевистской борьбе «для защиты национальных интересов России».

Позиция бывшего вождя Белого дела по отношению к германскому фашизму сформировалась достаточно быстро и не особо противоречиво. Еще на ранних подступах Гитлера к власти Антон Иванович определил в нем реальную опасность для Родины.

Он искренне возмутился, когда увидел, что отдельные политические и общественные деятели русской эмиграции испытывали симпатии к фюреру.

«Разве они не читали “Mein Kampf”, — недоумевал и возмущался генерал. — Разве они не помнят, с каким презрением фюрер говорит там о русском народе? Не считают ли они, что Гитлер отказался от своих планов отторгнуть от России Туркестан, Урал, Кавказ, казацкие земли? Когда же фюрер го-

ворит об “освобождении России”, он имеет в виду ее порабощение, установление нацистской диктатуры».

Он считал, что эмигранты должны выступить «письменно и устным словом» для того, чтобы все увидели подлинную сущность фашизма».

Однако генерал Деникин не призывал искать себе союзников против Гитлера в лице иностранных держав. В письме в редакцию журнала «Часовой» в 1934 году он отмечал, что эмиграции не по пути ни с одной из мировых группировок, потому что одни «поддерживают бытие Советской России», другие выступают против СССР, но «посягают на Россию».

Чем более явственно проявлялась агрессивность гитлеровского фашизма, тем более жестким становилось отношение к нему со стороны Антона Ивановича. Он заявляет безапелляционно: Гитлер — злейший враг России. У него есть конкретные агрессивные планы. Выступая в январе 1938 года в Париже, Деникин сказал:

«Нет никаких оснований утверждать, что Гитлер отказался от видов на Восточную Европу, то есть на Россию».

Характерно, что генерал не обольстился антикоммунизмом Гитлера. Он предупреждал эмигрантскую общественность, что под прикрытием антикоммунизма фашисты преследуют цели, «мало чего имеющие общего с борьбой против коммунизма». Примером вдумчивого анализа сложившейся к тому времени международной обстановки и ее влияния на Отечество генерала, пусть СССР, но все-таки Россию, служит небольшая работа Деникина «Международные события и русский вопрос».

«По-прежнему мир стоит на распутье. По-прежнему призрак смертоносной войны витает над землей. Мюнхенские решения не остановили вооружений, не развеяли тревоги и не установили реальных основ сколько-нибудь длительного перемирия. Ибо обещания даются и не исполняются; договоры подписываются и нарушаются; над всеми нормами международного права висит кулак; сила и дерзание попирают право.

“Идеология” в большинстве случаев является лишь прикрытием реальных политических и экономических вожделений и интересов — агрессивных или оборонительных. Вожди и партии раздувают идеологическую вражду, а правительства — устанавливают тактические соглашения с идеологическими противниками. [...]

Не противопоставление демократии диктатурам нарушило европейское равновесие и привело к чрезвычайно напряженному положению во всем мире, а выпадение из нормального

международного оборота великой Российской империи, возрождение германской и итальянской вооруженной силы при исключительном динамизме обеих наций и военной неготовности Англии и Франции.

Серьезность этого положения видна из сопоставления вооруженных сил “оси” и “блока” великих держав. Я не касаюсь комбинаций с участием малых держав, ибо характер их совершенно гадательный и, надо думать, после предостерегающего чехословацкого урока они воздержатся от опасных союзов, постараются сохранить возможно дольше нейтралитет, а если и выступят, то на стороне... заведомо побеждающего. [...] А между тем в силу геополитических и экономических условий, как в период, предшествовавший мировой войне, так и ныне, единение Франции с национальной Россией является проблемой жизненной, естественной и обоюдно необходимой. [...]

В отношении гитлеровской Германии эмоциональность политики известных кругов русской эмиграции достигает наибольших пределов, в особенности в эти последние дни.

На русскую эмиграцию Берлин обратил внимание впервые лет пять назад. Попытки привлечения на свою сторону как некоторых организаций, так и видных русских эмигрантов не прекращались.

Стало уже банальностью повторять определения, прогнозы, национальные задачи, поставленные в “Майн кампф”. Но ведь эта книга до сих пор составляет основу воспитания в жизни. Ведь Гитлер еще вчера говорил в ней с величайшим презрением о русском народе. Что же, изменил он свой взгляд сегодня? Ведь он требовал отторжения от России Украины, “казачьих государств”, Кавказа и Туркестана с тем, что “большевизм останется Великороссии”.

Мы познакомились достаточно с лицемерием “идеологической борьбы”. Теперь для нас не может быть и речи о принципиальной враждебности или принципиальной дружбе к чужим державам. Не может быть и речи о долге в отношении их. После того как весь мир отнесся к великому русскому несчастью, мы не должники, а кредиторы».

Деникин цитирует Поля Валери: «...До сих пор вся политика спекулировала на изолированных действиях. Это время приходит к концу. Каждое действие вызывает многочисленные и непредвиденные последствия. Обстоятельства, иногда незаметные или не обратившие на себя внимание, дают о себе знать внезапно и в любое время. В несколько недель весьма отдаленные обстоятельства превращают друзей во врагов, врагов в союзников и победу в поражение»...

«Прекрасная характеристика политики “сегодняшнего

дня” и предостережение для Гитлера и для многих. Мы видели воочию, как “возвращается ветер на круги своя” и караются грехи прошлого. Как рассчитывается Англия за свой союз и помощь Японии в создании ее флота и в поражении России в 1905 году... Как Брест-Литовск в кратчайшие сроки вызвал развал германской армии и революции... К каким потрясениям привел уже и приведет еще 1919 год, когда небольшое усилие бывших союзников в пользу Белого движения могло бы избавить мир от красной напасти... Мы увидим еще и последствия “стратагемы” Пилсудского... И уже видим, как исторический бумеранг бьет по польским и советским головам за разжигание украинского сепаратизма.

“В несколько недель весьма отдаленные обстоятельства превращают друзей во врагов, врагов в союзников и победу в поражение”. Эта изменчивость политических настроений, комбинаций и режимов в любое время может изменить в корне международную обстановку и создаст, непременно создаст в дни борьбы такое положение, когда для тех, что ныне забыли или поносят национальную Россию, возрождение ее станет желанным, быть может, единственным для них якорем спасения».

Дыхание войны становилось все более осязаемым...

ВОЙНА: КАК БЫТЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ?

Где нет тропы, надо часто оглядываться назад, чтобы прямо идти вперед.

В. О. Ключевский

— Что нового вещает радио? — спросил Антон Иванович супругу, вернувшись с утренней прогулки.

— Беда, Германия напала на Польшу!

— Неужели! Я чувствовал, что это должно вот-вот случиться. Доигрались! Полякам долго не продержаться... Надо срочно написать Колтышеву...

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. Сбылись все худшие предсказания Антона Ивановича...

Генерал Деникин понял, что с падением Польши опасность подошла непосредственно к границам его Родины. Но он не оценил объективно занятие советскими войсками Западной Украины и Западной Белоруссии, рассматривая акт как коммунистическую агрессию.

В письме Колтышеву он высказывает удивление, почему западные державы бездействуют, спокойно взирая на экспансию

«германского фашизма и советского коммунизма». Генерал пишет также, что не может понять, почему после занятия советскими войсками Западной Украины и Западной Белоруссии правительство Франции и Англии не порвали дипломатических отношений с Советским Союзом...

Начальный период Второй мировой и особенно Великой Отечественной войны — то исследовательское поле, где историки ведут сегодня серьезную битву за выявление истины. Речь идет, конечно, о серьезных исследованиях отечественных и зарубежных ученых, а не о низкопробных «Ледоколах» Суворова и ему подобных (хотя и такая литература должна стать предметом тщательного критического научного анализа с позиций объективности, историзма и компаративизма).

Надо признать: много еще здесь «белых пятен». Трудно оказываться от удобоваримых стереотипов освещения тех драматических событий. Помнится, какой переворот в мозгах произвели новые данные о пакте Молотова — Риббентропа, ставшие достоянием широкой общественности в конце 80 — начале 90-х годов XX века. Но сколько они породили и спекуляций, и односторонности.

Любая медаль имеет две стороны. В драматических событиях 1939—1941 годов эта истина приобретает особое звучание.

В ночь с 23 на 24 августа 1939 года в Кремле был подписан Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом и секретный дополнительный протокол к нему.

Договор определял взаимные обязательства сторон в политической и военной областях. Он был заключен сроком на десять лет. С международно-правовой точки зрения его подписание являлось нормальным явлением.

Особый вопрос — секретный дополнительный протокол. Он, по сути дела, представлял *тайное сепаратное соглашение между Москвой и Берлином о разделе сфер влияния в Восточной Европе за счет государств этого региона*. При этом сферой советских интересов признавались государства Прибалтики, Финляндия, восточная часть Польши (Западная Украина, Западная Белоруссия) и Бессарабия.

Официальные советские власти в течение многих десятилетий отрицали сам факт подписания протокола. Закулисный сговор с нацистской Германией за счет третьих стран противоречил декларировавшимся принципам советской внешней политики и не украсил нашу историю.

В то же время нельзя забывать, что откровенно силовой подход в международных делах де-факто являлся нормой

поведения для всех ведущих государств, и Советский Союз не был исключением. Кроме того, позиция Запада не оставляла Москве никакого выбора, кроме Берлина.

Таким образом, заключенные соглашения можно рассматривать как временный военно-политический компромисс, на который пошло советское руководство для выигрыша времени и пространства в преддверии военного столкновения с Германией.

Антон Иванович не отождествляет Сталина с русским народом. Захват Западной Украины и Западной Белоруссии он расценивает не иначе, как участие СССР в войне на стороне Гитлера. Но участие в войне коммунистического режима, а не русского народа. Не случайно генерал возмущается, что французская пресса, критикуя политику Сталина, спутала два понятия: «Советскую Россию и народ русский».

Но почему бы Деникину не увидеть в захвате Западной Украины и Западной Белоруссии претворение Сталиным в жизнь... белой идеи о Великой, Единой, Неделимой России? Химера? А что?

Ведь Сталин, расправившись с Троцким, для которого Россия — вязанка хвороста в огонь мировой революции, затушеввал (не похоронил, это невозможно, *все-таки святой постулат марксизма-ленинизма*) бредовую идею о мировой революции. Как-никак провозгласил возможность строить социализм в одной отдельно взятой стране.

Почему бы Деникину не расценить внешнюю политику Сталина как объективно укрепляющую русскую государственность? Вернул в сентябре в лоно своей империи исконно русские земли. Не об этом ли мечтал вождь Белого дела в Кубанских степях, вышагивая в цепях белых волонтеров и не кланяясь пулям?

Не увидел этого Антон Иванович. Впрочем, не понял он и того, что между политическим режимом и народом существует диалектическая связь. И вряд ли правомочно по деникинской схеме отделять Сталина от советского народа.

Спорно? Конечно! А разве есть легкие вопросы в истории СССР? Это только у Суворова (Резуна) в его «Ледоколе» все просто...

Однако тоталитарный режим, каких бы успехов он не достиг, всегда останется режимом, уничтожающим человеческую личность.

Пакт Молотова — Риббентропа, по мнению Антона Ивановича, не мог отвести реальную угрозу от России. Он писал 24 сентября 1939 года, что не верит в искренность Сталина и Гитлера.

«Союзы в наше время заключаются и разрываются под любым предлогом. Поэтому не надо строить иллюзий по поводу безопасности России».

Разумеется, Деникин прав относительно неискренности Сталина и Гитлера. Но более чем странно, что военный профессионал высокого класса не увидел, что СССР отодвинул свои границы и, самое главное, выиграл время. Все та же антикоммунистическая слепота...

Но в чем безапелляционно прав Антон Иванович — эмиграции не следует ориентироваться на политические союзы иностранных государств в целях ограждения России от агрессии германского фашизма:

«Никаких “фильств”, кроме “русофильства”, никакой ориентации, кроме русской, никаких обязательств за... чечевичную похлебку и... с потерей лица».

Перед русской эмиграцией встала проблема политического и нравственного выбора. Но свои четкие контуры она получила с падением Парижа (которое, судя по воспоминаниям В. В. Сухомлинова, «потрясло не только французов, но и многих русских парижан, за исключением германофилов и фашистов»). Дифференциация отношения русской эмиграции к немецкому фашизму резко ускорилась.

В том есть и заслуга Деникина, ибо его принципиальная позиция оценки гитлеризма как врага России стала еще больше импонировать многим эмигрантам. Но яркая антикоммунистическая зашоренность, абстрактность и умозрительность его построений помешали сделать позицию Деникина более доступной для эмигрантских кругов.

Начало Великой Отечественной войны потрясло и Деникина, и его жену. 23 июня 1941 года Ксения Васильевна записала в своем дневнике:

«О, Россия! Чаша страданий еще не испита тобою до дна! Тебя попирают два антихриста. Конечно, нападение Германии означает конец коммунизма в России, но какую цену придется за это платить! Сейчас же немецкие бомбы разрывают на части русские тела, проклятые немецкие танки заполнили нашу страну, льется русская кровь!..»

Особенно тяжело переживал старый генерал поражение Красной Армии в начальном периоде войны. Но, несмотря на стресс, он продолжает осмысливать случившееся. Уже 18 августа 1941 года он пишет Колтышеву, что военные события в глуши воспринимаются острее, сообщает, что не теряет оптимизма: в сложной ситуации можно найти и «предзнаменования утешительные».

Характерно, что в то суровое время бывший вождь Бело-

го дела два раза в год — 15 ноября (годовщина создания Добровольческой армии Алексеевым в 1917 году) и 22 февраля (годовщина начала первой антибольшевистской кампании в 1918 году — 1-го Кубанского («Ледяного» похода) писал краткие послания своим бывшим соратникам по оружию. Так вот по случаю 24-й годовщины Добровольческой армии осенью 1941 года, когда положение на советско-германском фронте было исключительно тяжелым, Антон Иванович писал:

«В эти тяжкие и темные дни наше прошлое да послужит утешением, путеводным маяком и залогом надежды».

А в ноябре 1943 года, в ознаменование 26-й годовщины со дня создания Добровольческой армии, он призвал своих собратьев по оружию, боровшихся вместе с ним за Белое дело четверть века назад, молиться за то, чтобы был положен конец уничтожению русского народа:

«Вздыблена, взвихрена наша бедная Россия! Рушатся ка-торжным трудом воздвигнутые заводы-гиганты. Горят пы-лем наши города и села. Гибнет русское добро от своей и чу-жой руки...

Без конца гибнут и русские люди. Гибнут в кровавых боях, в братоубийственных стычках и в темных застенках. Гибнут от холода, голода и труда непосильного, мрут без ухода от ран и болезней — в своих и чужих лагерях, нет конца русским страданиям, нет меры русской скорби!

Но дух народный жив. Его не угасить никому и ничем. [...]

Бог правды, Бог брани, ниспошли избавление стране нашей родной от всех ее лютых врагов и лиходеев, дай мир и свободу исстрадавшемуся народу!»

Это ли не голос пламенного русского патриота?!

Не случайно, нет не случайно с началом Великой Отече-ственной войны Антон Иванович внес коррективы в «двой-ную задачу русской эмиграции». Если раньше она формулиро-валась в виде тезиса: «Борьба с советской властью и защита России», то теперь он формулирует ее так: «Защита России и свержение большевиков».

И здесь не механическая перестановка слов. На первое ме-сто генерал ставит интересы России, подвергшейся нападе-нию Германии. В развитие своей модернизированной «двой-ной задачи русской эмиграции» он выдвигает тезис: «Что заставляет неволя — делай, а против России — не делай».

Конечно, такую позицию можно считать конформизмом. Но Антон Иванович никогда не был приспособленцем. Ге-неральская мысль — не разновидность толстовского «непро-тивления злу насилеием», а позиция «пассивного сопротив-

ления». И в условиях немецкой оккупации она была приемлема для многих рядовых белоэмигрантов.

Однако «двойную задачу» в новой редакции Деникин *не смог не разбавить антибольшевистскими аспектами*. В начале 1942 года он писал Колтышеву, что не надо в сложной обстановке «терять веру в возрождение России без большевиков». Антикоммунизм, не снятый с вооружения, был переведен генералом, с учетом агрессии против России, на второй план.

Бывший вождь Белого дела презрительно относился к коллаборационистам всех оттенков из числа русской эмиграции. Он писал Колтышеву:

«На поклон к немцам шли прохвосты, мракобесы и часть сбитой ими с толку мирной эмиграции».

Убежденность Антона Ивановича не могли поколебать попытки его дискредитации коллаборационистскими деятелями главным образом из окружения Краснова.

Он отнес однозначно к коллаборационистам и командование РОВС, которое тесно сотрудничало с гитлеровской Германией. В конце войны старый воин-патриот писал начальнику РОВС генералу Архангельскому:

«Челобитные ваши и начальников отделов РОВСа о привлечении чинов его на службу в германскую армию после того, как Гитлер, его сотрудники и немецкая печать и во время войны, и задолго до нее высказывали свое презрение к русскому народу и к русской истории, открыто проявляли стремление к разделу и колонизации России и физическому истреблению населения — такие челобитные иначе, как преступными, назвать нельзя».

В письмах Колтышеву генерал настойчиво проводил мысль, что эмиграции необходимо отказаться от сотрудничества с РОВС, так как его руководители — предатели России.

Несколько сложнее относился генерал Деникин к Русской освободительной армии (РОА) генерала Власова. *Они — предатели России*. Относительно рядовых власовцев позиция генерала отличалась большей эластичностью. Он не представлял русского человека в форме солдата армии, воюющей с его Родиной. Его дочь вспоминала, что отец в ноябре 1943 года запретил ей знакомиться с власовцами, дислоцировавшимися в Мимизане, где проживала семья Деникиных. *«Тебя ни в коем случае не должны видеть с этими... в немецкой форме»*, — говорил он ей.

Но, вступив в контакты с рядовыми власовцами, Антон Иванович стал рассуждать менее категорично. В 1946 году он написал:

«Чтобы пополнить свои людские резервы, германское правительство решило использовать русских военнопленных, объединив их в специальные воинские подразделения. На этот рискованный эксперимент оно могло решиться, только учитывая нелюбовь русского народа к своему правительству, порочная политика которого привела к атрофированию национального сознания. За исключением русских военнопленных, военнопленные всех стран могли рассчитывать на помощь своего правительства и Красного Креста. Пленные же русские солдаты были брошены на произвол судьбы: их считали предателями и дезертирами. Поэтому, когда германское командование предложило голодным, униженным, лишенным всякой надежды и поддержки людям приличное жалование и денежное содержание, многие из них решили надеть немецкие серо-зеленые мундиры.

Пусть бросят в них камень те, кто может...»

В неопубликованном очерке Деникина красной нитью проходит такая мысль: РОА — порождение политики большевиков, которые изуродовали у россиян «своей окаянной практикой самые основы национального самосознания».

Генерал негодует, что Сталин «бросил своих военнопленных на произвол судьбы, обвинив их всех поголовно в измене Родине и лишив поддержки Красного Креста». Нечеловеческие условия существования в фашистском плену заставляли солдат и офицеров вступать в РОА.

Небезынтересно отметить, что в письме Деникина начальнику РОВС генералу Архангельскому он называл рядовых «так называемой армии Власова» несчастными ее участниками, которые, «попав в тупик, проклиная судьбу, только и искали способ вырваться из своей петли».

В деникинских оценках РОА есть доля истины. Но нельзя не учитывать, что его позиция выработывалась на узкой и односторонней информации, полученной от контактов с рядовыми власовцами. Причем, как вспоминает Марина Антоновна, круг допущенных к общению с генералом был небольшим, около 10 человек. Вряд ли безоговорочно можно согласиться с Антоном Ивановичем, что военнопленные поступали на службу в РОА *исключительно из-за нечеловеческих условий содержания в фашистских концлагерях*. Конечно, это очень существенная причина.

Однако все намного сложнее, чем утверждает генерал...

Общее число бывших советских граждан, с оружием в руках сражавшихся в гитлеровской армии против РККА, составляло, по оценкам советского командования, миллион человек. Только в элитных войсках СС служило более 150 ты-

сяч бывших советских военнопленных. Так что, по логике Деникина, все это надо обосновать нечеловеческими условиями содержания в плену? Весьма проблематично...

В годы войны рельефно обозначилось отношение А. И. Деникина к Красной Армии. Оно было самым доброжелательным. Антон Иванович как бы мысленно находился в ее рядах: тяжело переживал поражения и искренне радовался победам.

«В дни, когда Красная Армия терпела поражения, — вспоминала Марина Антоновна, — отец замыкался в себе. Не хотел говорить о войне ни с кем, даже с домашними. Зато поражение гитлеровцев под Москвой вызвало у Антона Ивановича бурную радость. На столе появился графинчик с разбавленным спиртом, подарок местного аптекаря. То же самое произошло и после Сталинграда, Курской дуги. Генерал праздновал победы Красной Армии».

Как квинтэссенцию деникинского отношения к Красной Армии можно расценивать строки из Обращения бывшего главнокомандующего к добровольцам по случаю 27-й годовщины Добровольческой армии от 15 ноября 1944 года:

«Мы испытали боль в дни поражения армии, хотя она и зовется Красной, а не Российской, и радовались в дни ее побед. И теперь пока мировая война еще не окончена, мы всей душой пожелаем ее победоносного завершения, которая обезопасит страну от наглых посягательств извне».

Чуть позднее Деникин напишет Колтышеву, что русская армия (заметим, русская, а не Красная) сделала все, что «было в человеческих силах».

Не будет преувеличением сказать: именно в отношении к Красной Армии, ведущей смертельную схватку с «коричневой чумой», Антон Иванович наиболее сильно заретушировал свой антикоммунизм.

В годы войны генерал являлся последовательным антисталинистом. Он видел в «отце народов» только лишь кровавого диктатора, не чурающегося любыми средствами ради укрепления своего режима личной власти и всей тоталитарной системы. В Обращении Деникина к белым волонтерам по случаю 27-й годовщины Добровольческой армии Сталин обвиняется в том, что в России люди не могут «жить и работать без самых, хотя бы необходимых условий человеческого существования», так как, благодаря сталинизму, в СССР нет основных свобод, раскрепощения труда, царит «кровавый произвол НКВД».

«Красный террор — это не прошлое, а настоящее, меняются названия органов истребления Чека, ГПУ, НКВД, МВД, —

писал Антон Иванович, — меняются названия истребляемых — вместо «буржуев» и «золотопогонников» появились диверсанты, саботажники, «враги народа», «капиталистические шпионы». А кровь лилась и льется без жалости и без меры».

Здесь много горькой, страшной правды. Но не вся!

Нелепо отрицать ту огромную мобилизующе-организующую роль деятельности Сталина как председателя Государственного Комитета Обороны в годы Великой Отечественной войны. «За Родину, за Сталина!» — вот лозунг тех, кто шагал из окопов навстречу смерти, уходя в бессмертие. Это историческая реалья! Ее патриот генерал Деникин не увидел, именно благодаря своей внутренней нетерпимости и нежеланию понять реальную действительность. А патриотизм должен быть зрячим!

Обидное для генерала упущение: он не заметил, что идея Великой, Единой, Неделимой России была осуществлена... на советской земле. Еще раз повторимся: это ли не стержневая идея Белого дела?! Сильная империя была как раз построена в годы Сталина да плюс поголовная грамотность народа... Это нельзя сбрасывать со счетов, рассматривая причины победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Но Сталин построил именно империю, уровень тоталитаризма в которой превзошел все известные истории мировых цивилизаций, восточные деспотии. И Деникин совершенно справедливо критикует страшные стороны сталинского режима, связанные с нарушением прав человека.

Как-то Антон Иванович заявил: *«Мы — и в этой неизбежности трагизм нашего положения — не участники, а лишь свидетели событий, потрясших нашу Родину за последние годы».*

Если бы генерал Деникин мог воочию посмотреть, что творилось в пределах его Отечества в 1920—1940-е годы, то у него нашлось бы место в суждениях и более взвешенным оценкам реалий советской действительности. Но он при оценке событий и персоналий руководствовался антикоммунистическим компасом.

Тем не менее у нас нет оснований заподозрить Антона Ивановича в неискренности, когда он рассматривает сталинизм как первопричину тоталитаризма, необратимое явление, которое можно исправить только уничтожением всей системы.

Вот с такими жизненными установками прожил суровые годы мирового катаклизма генерал-изгнанник.

ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

*У каждого мгновенья свой резон,
Свои колокола, свои отметины.
А в общем, надо просто помнить долг,
От первого мгновенья до последнего.*

Р. Рождественский

Январь 1942 года. Захолустное местечко Мимизан, что недалеко от испано-французской границы...

— Папа, к нам едут немцы! — воскликнула Марина Антоновна.

— Наверное, это за мной. Ася, дай мой чемоданчик, который ты приготовила на случай ареста, — спокойным тоном обратился Антон Иванович к супруге.

— Папа, три автомобиля!

— Не слишком ли много для того, чтобы арестовать генерала-изгнанника, пусть даже и ненавидящего Гитлера всеми фибрами души? — с сарказмом воскликнул Антон Иванович.

Со скромным чемоданчиком в руке он вышел на порог своего убогого жилища. Из остановившихся машин вышли шесть немецких офицеров во главе с генералом.

— Ваше превосходительство, генерал Деникин Антон Иванович? — уточнил чопорным тоном вальяжный немецкий генерал.

— Да!

— Здравствуйте, — немецкий генерал с фальшивой улыбкой на лице протянул Антону Ивановичу руку.

Генерал Деникин руки не подал.

— Вы меня арестуете сразу? Я готов!

— Что вы говорите, — гримаса фашистского генерала с трудом скрывала раздражение.

«Надо же, этот русский старик не подал руки! Ему, слуге фюрера, генералу непобедимой армии! — со злостью подумал гитлеровец. — Но он нам нужен! Терпи, а хорошо бы да всю обойму...»

— Мы просто приехали, чтобы побеседовать с вами!

— Ну, что ж, прошу зайти в дом, — сказал сухим тоном Антон Иванович.

В своей комнате, не присев за стол, Антон Иванович спросил немецких офицеров:

— О чем же вы хотите беседовать с русским генералом?

— Ваше превосходительство! Я уполномочен командующим войсками во Франции генералом фон Штюльпнагелем передать следующее предложение фюрера: наш вождь про-

сит, чтобы именно вы, дорогой Антон Иванович, приняли под командование русские части, которые мы начали формировать из военнопленных.

— Не понял. Вы официально предлагаете мне стать изменником Родины? Мне, русскому генералу! Нам не о чем говорить! Если вы пришли меня арестовать, я готов. К чему пустые разговоры!

— Не горячитесь, Антон Иванович! — с трудом сдерживая гнев, сказал фашистский генерал. — Ведь вы стойкий борец с коммунизмом, ненавидите Сталина, большевиков...

— Не путайте большевиков и русский народ.

— Извините, но в Гражданскую войну вы стойко дрались не только с большевиками, но и с теми, кто их поддерживал?

— Пока шла Гражданская война, я воевал против большевиков, это дело семейное, но я русский человек и не буду воевать против своего народа.

— Ваше превосходительство! — в разговор вступил один из сопровождающих гитлеровского генерала полковник. — Посмотрите, как вы живете?! Разве это достойно знаменитого на весь мир генерала Деникина? После того как вы примете под командование войска, сформированные из русских пленных, которые хотят уничтожить Сталина...

— И запятнать себя предательством русского народа, — перебил своего визави Деникин.

— Антон Иванович, — на лице полковника вопреки его желанию ярко вырисовывалась злоба, — прошу не перебивать! Вам как командующему будет выделена вилла, автомобиль с шофером, счет в банке.

— Нечто подобное мне уже предлагали из ведомства Геббельса за то, чтобы я переехал в Германию продолжать свою литературную работу. Я сказал геббельсовским эмиссарам: «Нет!» А вы хотите...

— Мы в курсе. Но наши условия значительно выгоднее. Фюреру нужен не отставной генерал-литератор, а бывший вождь Белого движения, который возглавит борьбу своих соотечественников под знаменами третьего рейха за уничтожение коммунизма. Если вас не устраивает материальная сторона, то можно договориться...

— Господин полковник! — гневно перебил тираду фашиста престарелый генерал-изгнанник. — Вы, наверное, меряете всех людей одной меркой. Причем здесь деньги и быт? Генерал Деникин не продается, он никогда не будет стрелять в свой народ! Я слишком стар, чтобы возглавить армию, но у меня достаточно сил, чтобы не стать предателем своего народа.

— Я удивлен, — воскликнул фашистский генерал. — Передо мною стоит не знаменитый борец против большевизма, а большевистский агитатор!

— Прошу меня не называть большевистским агитатором! Я веду себя корректно, не оскорбляйте и вы меня, хотя и оккупанты. Наш диалог — разговор слепого с глухим. Прекратим его.

— Подождите, если вы не хотите воевать в рядах доблестной армии великого фюрера...

— Да не хочу! — резким тоном перебил собеседника Деникин. — Повторяю еще раз, если не понимаете: я слишком стар, чтобы вести в бой армию. Но со старостью я не потерял разум, совесть и честь, чтобы изменить Отечеству.

— Антон Иванович, — вальяжным тоном начал фашистский генерал, — хорошо, вы не хотите командовать войсками ваших же соотечественников, желающих сбросить сталинское ярмо, но вы же еще и писатель. Великолепный писатель!

— Не надо комплиментов, не мне судить, а читателям о том, что я написал!

— Не скромничайте, генерал. Наверное, вам интересно знать, что ваши архивы перевезены в Берлин (врал эсэсовский бонза, РЗИА оставался в Праге). Давайте переезжайте в Берлин, спокойно разберитесь в архивах — и за работу. В шикарном условиях, а не в этой конюшне, вы еще многое напишите.

— Я же сказал, что из ведомства Геббельса мне нечто подобное предлагали... Не пойму, вы мне делаете предложение или отдаете приказ? — поинтересовался Деникин.

— Ну что вы! Это всего лишь предложение.

— В таком случае я ставлю вас в известность, что не собираюсь покидать Мимизан до окончания войны.

— Зря вы так, ваше превосходительство! Вам сделано деловое предложение от имени и по поручению фюрера великой Германии. Отказавшись, вы оскорбляете третий рейх. А это может повлечь за собой строгие санкции. Я не угрожаю, но мое терпение не безгранично. И то, что вы генерал — борец с коммунизмом, может и не спасти от гнева великого фюрера.

— Я готов следовать в гестапо или куда вы там меня поместите. Арестовывайте!

— Еще успеет, надо будет — расстреляем! — истерически вскрикнул фашистский генерал. — Одумайтесь, пока еще не поздно. Подумайте о жене и дочери!

— Генерал Деникин решение принял. Меня можно расстрелять, но нельзя переодеть в форму армии, которая пытается поработить мое Отечество!

...Антон Иванович облегченно вздохнул, когда вереница машин растаяла вдали.

— Ася, Мариша, успокойтесь! Все будет хорошо. Мы — люди русские...

Ксения Васильевна и Марина Антоновна вытирали слезы...

«На этом закончились мои отношения с оккупантами, — вспоминал Деникин. — Добавлю, что когда “фюрер” Жеребков объявил обязательную регистрацию русских, мы с женой не зарегистрировались у него...»

Антон Иванович Деникин свой неравный бой с немецким фашизмом выиграл...

Изможденный голодом и болезнями семидесятилетний генерал-изгнанник, ярый враг советской власти, но пламенный патриот России, совершил гражданский подвиг.

Антон Иванович, сказав решительно «нет» сотрудничеству с гитлеровским фашизмом, руководствовался не нахлынувшими вдруг эмоциями. Здесь был его сознательный выбор, логически вытекающий из всего его эмигрантского бытия. Из всей его жизни...

1940 год. Как только немецкие войска после позорной капитуляции Франции оказались на подступах к Парижу, Деникины на такси русского полковника Глотова отправились на юг в местечко Мимизан, неподалеку от Бордо. Там они прожили долгих пять лет немецкой оккупации, которые оказались самыми трудными в их жизни.

О сложностях повседневной жизни Деникина в оккупации можно судить из его писем к дочери.

«19 марта 1941 года.

Здоровье матери ни лучше ни хуже. Доктор назначил новый курс лечения. Б. не прислал ничего на март месяц (ожидаемая пенсия, 1800 франков). Быть может, почта неисправна. Спроси, пожалуйста, его лично по служебному телефону. Вася (имеется в виду старый кот. — Г. И.) здоров и тебе кланяется».

«30 апреля 1941 года.

Присланные часы не ходят. Не ходят и мои. Живем по солнцу и по фабричным гудкам. Ничего не поделаешь!

Живем по-прежнему. Я чувствую большую усталость. Здоровье матери опять ухудшилось. На днях она взвесилась: потеряла в весе, так же как и я, одиннадцать кило! Причем еще не голодали...»

«5 июня 1941 года.

Не везет и в нашем маленьком хозяйстве. Глядишь — в огороде то солнце что-либо спалит, то вредители уничтожат; петрушку украли; прохвост лавочник пожалел цинка, плохо залудил коробки, и наши консервы из курицы сгнили. И т. д. и т. д. Впрочем, когда миры крушатся!..»

В то трудное время произошло важное событие в жизни дочери Антона Ивановича.

Из воспоминаний Марины Антоновны:

«Отношения между мной и моей матерью с некоторых пор стали натянутыми. Вопреки опасениям отца, пребывание в семье Грей не привило мне вкуса к роскоши, но научило ценить свободу. Мне был уже двадцать один год, а моя мать продолжала относиться ко мне как к маленькой девочке. Я сопротивлялась, ворчала, иногда срываясь на грубость. Моего отца это очень огорчало, и так как он считал мать серьезно больной (специалист диагностировал острую форму неврастении), то принимал сторону матери и защищал ее. Я решила расстаться с семьей.

Один из моих друзей, учащийся школы изящных искусств, с начала войны мобилизованный в парижский полк инженерных войск, попросил моей руки. Я согласилась. Мой отец пришел в отчаяние, так как будущий зять не был крещен. Жених поспешил исправить это и принял православие. В конце декабря 1940 года я покинула Мимизан и переехала к родителям жениха в Париж. Венчание было назначено на 23 февраля 1941 года в православной церкви в Бордо, куда должны были приехать мои родители.

Автобус из Мимизана обычно уходил в пять часов утра. 22 февраля он ушел на четверть часа раньше, и мои родители опоздали на него. Мы с мужем решили задержаться на один день и заехать в Мимизан. Отец, увидев нас, очень обрадовался:

— Вы смогли заехать! Слава Богу! Мать весь день проплакала. Она пыталась меня убедить, что случай с этой проклятой машиной — плохое предзнаменование.

Мать, к сожалению, была права...»

Первый брак Марины Антоновны оказался неудачным...

25 июня отец послал дочери короткую открытку, из которой стало ясно, что Ксения Васильевна заключена в концлагерь:

«Немцы решили отправить всех русских — как мужчин, так и женщин моложе 55 лет — в концентрационные лагеря. Сегодня немецкие солдаты увезли твою мать в Мон-де-Марсан. Русские белоэмигранты внушают им такой страх, что

они дали только полчаса на сборы. Я условился с матерью принимать меры к ее освобождению только после получения от нее известий».

28 июня 1941 года генерал сообщил Марине Антоновне:

«Сегодня получил первые известия от мамы. Содержат их сносно. Очевидно, перестарались местные власти. Надеется вернуться в ближайшие дни. В приезде твоём сейчас нет необходимости. Если нужно будет, я напишу письмо главнокомандующему оккупационными войсками».

«2 июля 1941 года.

Сегодня мать вернулась. Очень уставшая, но морально бодрая. [...] Напиши, как твоё здоровье. Выяснилось ли окончательно?»

Бывший вождь Белого дела еще не вступил в открытый бой с оккупационными фашистскими властями, а уже почувствовал все прелести «нового порядка». Впрочем, повезло: Ксению Васильевну не расстреляли. Даже извинились при освобождении, выразив сожаление, что не знали, кого арестовали — жену самого генерала Деникина! Умели лицемерить гитлеровские специалисты по промыванию мозгов...

Были, конечно, в сумрачной жизни генерала под немцами и радостные минуты. 3 января 1942 года он стал дедом. Марина подарила ему внука. Генерал написал дочери:

«Конечно, рады и внуку, и тому, что ты так легко и благополучно перенесла роды, и от души желаем дальнейшего благополучия в твоей новой жизни...»

Но как мало таких вот радостных минут в бытие престарелого генерала! Суровая проза жизни неумолимо давила его.

«Новая жизнь» Деникиных в Мимизане становилась все более и более тяжелой. Поскольку прибрежная зона объявлялась зоной повышенной опасности, семья все время находилась под угрозой эвакуации. Снабжение продовольствием становилось все хуже и хуже.

Марина Антоновна вспоминала:

«Уже несколько недель бывшие подчиненные моего отца (генерал Писарев, полковники Готов, Чижов и Колтышев, капитан Латкин и другие, чьи имена я забыла), которые как-то сводили концы с концами в Париже и иногда в Германии, складывались и посылали моим родителям посылки. Чтобы не оскорбить моего отца, они в качестве отправителя указывали меня. Отец и мать долго считали, что я веду роскошную жизнь, и я старалась укрепить эту веру в письмах, скрывая отсутствие денег, свои финансовые трудности и нелады в моей семейной жизни».

«Свинцовые мерзости жизни» заставили Деникиных написать завещание. 29 сентября 1942 года они оформили завещание у господина Ривьера, нотариуса Эскурса. Своей дочери они могли завещать только архивы и документы...

Но самое трудное началось после отказа Антона Ивановича сотрудничать с Гитлером. Немецкие оккупационные власти подвергли старого генерала жесткому прессингу. Его взяли под гласный надзор гестапо. Генеральские книги («Брест-Литовск», «Международное положение. Россия и эмиграция», «Мировые события и русский вопрос») были запрещены и подлежали, на основании распоряжения немецких властей, изъятию из книжных складов, магазинов, библиотек.

Каждую неделю Деникиным наносил «визит» немецкий офицер из местной комендатуры, чтобы удостовериться, не покинули ли они Мимизан. Время от времени фашисты устраивали обыски в доме, пытаясь найти «подрывную литературу».

Но Антон Иванович, лишенный Отечества, прозябавший в нищете, в одиночку вел свою посильную антифашистскую борьбу.

Ежегодно 14 июля, в день взятия Бастилии, национального праздника французов, Деникин, несмотря на запрет властей, демонстративно дефилировал по центральной площади Мимизана. Он отказался регистрироваться в немецкой комендатуре. При этом генерал Деникин заявил, что, оставаясь непримиримым в отношении с большевиками и не признавая советскую власть, считает себя гражданином Российской империи. А поэтому отказывается регистрироваться по порядку, установленному оккупационными властями для лиц без гражданства — русских эмигрантов.

Вместе с тем генерал Деникин провел антифашистскую акцию, которую следует расценивать более чем символический протест против гитлеровского режима.

Руководство военного архива гитлеровской Германии письменно запросило у Антона Ивановича согласия на предоставление возможности пользоваться архивными документами и материалами, хранящимся в Русском заграничном историческом архиве в Праге, куда бывший главком ВСЮР в 1935 году в соответствии с договором с РЗИА передал на хранение имеющийся у него архив Особого совещания, генерал-квартирмейстерской части ВСЮР, а также материалы личного архива по истории русской революции и Гражданской войны (1917—1920), включающие 831 документ.

В письме уполномоченному начальника военного архива Германии от 3 февраля 1942 года по поводу данного предложения

бывший белый вождь заявил: никто не имеет права быть допущенным к фонду в РЗИА без его личного разрешения; документы «не могут быть отчуждены или переданы на временное хранение кому-то».

Такая позиция генерала Деникина — не только реализация права частной собственности, не только пассивный протест против ненавистного ему гитлеровского фашизма. Архивные документы, которые хранил в РЗИА генерал Деникин, представляли историческую ценность России. Они — носители части коллективной исторической памяти россиян о трагической странице истории Отечества. И Антон Иванович, понимавший всю значимость исторической памяти, не мог допустить, чтобы данные документы исследовали те, кто вел войну с его Родиной, даже если немецкие претенденты на архив бывшего главкома ВСЮР, возможно, и преследовали только научные цели.

Последнее предположение, правда, маловероятно. Военно-политическое руководство гитлеровской Германии хотело заполучить, *хотя бы в малом*, согласие генерала Деникина, видного борца с большевизмом, на сотрудничество. Затея, однако, сорвалась, но Антон Иванович по-прежнему нужен был нацистам как ярый антикоммунист. И они вынуждены были его терпеть, снося его «чуждачества». Только психологический прессинг изощренно усиливали. Немецкая комендатура Мимизана издала специальное распоряжение, согласно которому генерал находится под домашним арестом, не может никуда выезжать и каждую неделю должен отмечаться в немецкой комендатуре.

Между тем бывший главком ВСЮР проводил и акции, которые могли бы стоить ему жизни. Он вместе с женой переводил на русский язык и распространял среди русских эмигрантов «особенно откровенные измышления, выдаваемые немецкими деятелями в их радио и прессе». Это была уже активная форма антифашистской борьбы в условиях оккупационного режима. За подобные действия немецкие оккупационные власти расстреливали беспощадно. Можно гипотетически предположить: если немецкому оккупационному командованию стало бы известно о таких действиях Деникина, то его, с большой долей вероятности, казнили бы.

В 1999 году бывший белогвардеец Мирон Рейдель, проживающий в США, отвечая на вопросы редакции журнала «Родина» (Москва), написал следующее:

«Возвращаясь к Деникину, припоминаю, что ходили слухи о его связи с советской разведкой во время войны. Вероятно, для

этого имелись основания. В середине 60-х годов во МХАТе была поставлена и тут же запрещена пьеса Льва Шейнина «Дети России» (или «Сыны России», точно не помню) — о роли русских иммигрантов в организации антифашистского Сопротивления во Франции. Лев Шейнин был допущен к соответствующему архиву. Я сам слышал от него рассказ о донесениях одного советского разведчика, которого не только приютил, но и прятал вместе с рацией у себя на квартире Деникин».

Вряд ли то, о чем пишет бывший белогвардеец, было возможно в небольшом местечке Мимизан, где каждый житель на виду, где четко работала немецкая комендатура. Думается, о таком уникальном факте, если он был в действительности, обязательно бы сообщила Марина Антоновна в своей работе «Мой отец генерал Деникин». Но она этого не сделала. А в письме мне от 7 июня 1999 года дочь генерала категорически заявила следующее:

«Конечно, никогда не было никакого сношения отца с Советами».

Да и сам М. Рейдель сообщает о сотрудничестве бывшего главкома ВСЮР с советской разведкой в годы Второй мировой войны с недостаточной долей уверенности. Он предпочитает оговориться, что в среде американских белоэмигрантов по данному поводу «ходили слухи».

Легенды появляются тогда, когда в них возникает необходимость.

В 1990 году, то есть незадолго до крушения СССР и КПСС, в советской историографии родилась новая красивая, в корне отличающаяся от всех предыдущих, легенда об Антоне Ивановиче Деникине. Ее автор — Л. Спирин, советский историк, специалист по проблемам революции и Гражданской войны, из-под пера которого вышли солидные монографии. Ученый выступил в журнале «Октябрь» со статьей «Неизвестные страницы известных исторических событий». Прочитируем его:

«Деникин дважды сильно озадачил большевиков. Первый раз летом 1919 года, когда предпринял поход на Москву... Вторым раз в 1943 году. В обоих случаях его действия рассматривались на заседаниях Политбюро правящей Коммунистической партии. Вначале в присутствии Ленина, затем — Сталина. В 1919 году от Деникина спасали Россию, в 1943 году Деникин спасал Россию».

В тяжелейший период войны с фашистской Германией, когда все было на строжайшем учете, от патрона до перевязочного бинта, Деникин послал на свою Родину вагон медикаментов для Красной Армии. Сталин оказался в большом затруднении:

что сказать народу? Решили: медикаменты принять, народу не сообщать. Так и сделали. Тайну раскрыли архивные документы».

Но ссылки на конкретные архивные документы здесь отсутствовали. Против красивой легенды свидетельствовала и книга Д. Леховича «Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина». Между тем для большей уверенности я решил обратиться за разъяснениями к Марине Антоновне.

В письме от 3 января 1999 года она сообщила, что «уже читала в «Октябре» совершенно нелепую глупость» (имеется в виду статья Л. Спирина).

Папа страдал за русских солдат, но помогать им мог только словесно!

Буду вам благодарна, если вы исправите в печати эти ложные сведения!».

Я выполнил просьбу Марины Антоновны¹⁴.

Вернемся, однако, в Мимизан времен немецкой оккупации.

Против Антона Ивановича, занявшего антифашистскую позицию русского патриота, вело психологическую войну не только немецкое оккупационное командование, но и русские коллаборационистские деятели, главным образом из окружения бывшего атамана Всевеликого войска Донского генерала Краснова, активно сотрудничавшего с Гитлером. Это нашло выражение в развязанной кампании травли Деникина, генерала-патриота, в коллаборационистской прессе.

Бывший вождь Белого движения вспоминал о том, что в газете немецкой пропаганды на русском языке «Парижский вестник» появилась статья некоего полковника Феличкина, которого генерал-патриот охарактеризовал как «провокаатор справа». В ней автор, отмечая роль «жидомасонов» в истории русской революции, без всякой логической увязки с текущим моментом писал:

«Ярый противник сближения России с Германией, Деникин, парализуя дальновидную политику генерала Краснова, на наших глазах уже перешел в жидомасонский лагерь».

Но Антон Иванович мужественно все это перенес.

1 ноября 1942 года, выставленные за дверь хозяином, чета Деникиных переехала в соседнюю лачугу. Отец написал 12 ноября 1942 года дочери:

«Темная, холодная, грязная, с убогой и недостаточной мебелью и т. д. и т. д. А кроме того, хозяева — прохвосты. Еще никогда нам не приходилось жить в такой обстановке.

На будущей неделе собираемся оба в Бордо к докторам, так как наш доктор Дюртени нашел у меня дефект, требующий осмотра специалистом».

Антон Ивановича ждала серьезная операция, о чем он сообщил Марине Антоновне 26 ноября 1942 года.

«Решил по ряду обстоятельств “резать” в Бордо. Клиника — одна из лучших; хирург — известный специалист. Поступаю в клинику 1-го, во вторник. Дня два или три будут подготавливать к операции. И потому твой приезд желателен 4-го или 3-го; лучше 3-го. Надеюсь, все сойдет благополучно и тогда тебе придется пробыть в Бордо дней 5—6 после операции, пока я несколько не оправлюсь».

3 декабря генеральская дочь дежурила у постели отца, спала на диване, который «в лучшей клинике Бордо» был поставлен для нее в палате, где лежал старик генерал. С первой же ночи ее принялись терзать вши. 5 декабря отцу сделали операцию простаты. Он терпеливо, как старый солдат, перенес местную анестезию — укол в позвоночник. После того как его перевезли в палату, признался дочери:

— Укол оказался очень болезненным, потом, однако, я уже ничего не чувствовал, но видеть над собой «зеркало» хирургической лампы и то, как меня разделявали, оказалось тягостнее, чем я это мог предположить...

Операция длилась три часа. В следующие несколько дней Антон Иванович испытывал боль, затем все пришло в норму, и 12 декабря Марина Антоновна вернулась в Париж к сыну. 13 декабря она получила телеграмму, что отец умирает, а 14 декабря — что ему лучше. Он тяжело перенес операцию и вернулся в Мимизан только в начале января 1943 года.

Деникины нашли, наконец, 5 июля 1943 года приличный дом в центре города. Квартира — две комнаты и кухня. В то время у Марины Антоновны семейная жизнь дала трещину. 15 июля — в трехлетнюю годовщину ее замужества (по новым законам она могла теперь требовать развода) — дочь вернулась к своей матери и отцу, погрузившись в будни их мимизанского существования.

Ее отец колот дрова, качал воду, топил печь на кухне. Марина Антоновна ездила на велосипеде за яйцами, мукой, картошкой, салом, стирала и мыла посуду. В те редкие дни, когда мать могла присматривать за сыном Марины Антоновны, она с отцом, вооружившись удочками и запасаясь червями, брали напрокат лодку и отправлялись удить рыбу на озеро Орелан. На несколько часов между нами, как прежде, устанавливалось полное согласие.

«Я думаю, — вспоминала Марина Антоновна, — что в эти часы мы были почти счастливы. Окунь и линь шли на обед. Кот Вася лакомился лещами. Вечером, после того как засыпал

сын, мы сквозь треск глушения пытались поймать Лондон. Мать продолжала вести дневник...»

Дневник этот настолько интересен, по крайней мере, с точки зрения истории повседневности, что не могу не ознакомить с ним читателей, которые выводы сделают сами.

«17 августа 1943 года.

Летний зной изнурил нас настолько, что потребовалось взятие Мессины для того, чтобы меня разбудить...»

«20 августа 1943 года.

Издохли два кролика сестры Марии. Смоловары находят в лесу мертвых или умирающих белок. Черчилль и Рузвельт проводят конференцию в Канаде. Надеюсь, там не так жарко...»

«23 августа 1943 года.

Иваныч уже восемь дней в Даксе. Он страдает ревматизмом, и доктор Шевальро рекомендует грязевые ванны. Мы собрали последние деньги и сняли за приемлемую цену приличное жилище.»

«4 сентября 1943 года.

Союзники совершили воздушный налет на Париж и Берлин. Если делать выводы из того, что передает Лондон, то высадка в Италии только «отвлекающий маневр», а настоящая операция должна происходить в другом месте. Но где?»

В Мимизане генерала-изгнанника ждала удивительная встреча, которая взволновала его необычайно.

Утром, выходя за молоком, Марина Антоновна встретила солдат нового гарнизона, прибывших накануне, которые разговаривали между собой... на ее родном языке.

Когда батальон «добровольцев» прибыл в Мимизан, их удивление было столь же большим, судя по воспоминаниям генеральской дочери, как и домочадцев Деникина. Власовцев посадили в вагоны где-то в Западной Германии и выгрузили в Мимизане. Их лишили права выходить на остановках, и они не знали, в какой стране находятся. Возраст солдат и офицеров колебался от 16 до 60 лет. Они были уроженцами самых разных областей и республик, происходили из самых разных социальных слоев — от колхозников до преподавателей университетов. Некоторые были членами партии, другие беспартийными.

Опыт жизни советских граждан, а затем жизнь в плену научили их искусству камуфляжа: члены партии, перед тем как сдать, уничтожали свои партийные билеты. Многие офицеры, боясь, что с командирами будут обращаться хуже, сорвали знаки отличия. Другие, подчиняясь противополож-

ной логике, присваивали себе звания, которых они не имели. Зная, что в СССР семьи сдавшихся в плен преследуются, так как военнопленные считаются предателями, многие на допросах называли другие фамилии и другие адреса.

Они заполнили дом бывшего вождя Белого дела. Приходили группами, парами, поодиночке. Беседы велись обо всем: о жизни в СССР, о Красной Армии, о войне, об их судьбе. Каждый из них в той или иной форме, но задавал Антону Ивановичу один и тот же вопрос:

— Считаете ли вы, что когда-нибудь мы сможем вернуться в Россию?

Власовцы больше не верили в победу великого рейха, не скрывали своих германофобских настроений. Смотрели на карту, висевшую на стене, где Марина Антоновна булавками ежедневно отмечала неумолимое продвижение Красной Армии вперед. Она чувствовала, что русские солдаты в немецкой форме гордятся подвигами советских воинов, но одновременно испытывают тревогу за свою судьбу.

Антон Иванович узнал, что все эти русские отряды, которым пришлось надеть ненавистную немецкую форму, без боя сдавались войскам союзников. Но генерал, по его словам, не мог представить себе, что потом англичане и американцы выдадут советским властям пленных, которых ждал дома либо расстрел, либо ГУЛАГ (последнее, в лучшем случае...).

В течение всех пяти лет, проведенных в Мимизане, генерал Деникин продолжал писать, работая над автобиографической книгой «Моя жизнь». Дважды в год он обращался с посланиями к своим бывшим товарищам по оружию. Антон Иванович был бойцом...

6 июня 1944 года Ксения Васильевна отмечала в своем дневнике:

«В 2 часа утра я проснулась, разбуженная гулом самолетов. Гул не прекращался. В 6 часов я решила наконец разбудить Иваныча, спавшего сном праведника:

— Послушай! Происходит что-то серьезное.

Мы включили приемник и сразу же узнали, что союзнические бомбардировщики и корабли обстреливают «французскую» береговую охрану и что небо темно от парашютистов. Это было лишь начало. Союзники высадили десант».

Мимизан «освободили» только 24 августа, то есть в этот день последний немец покинул поселок, хотя никто из жителей не заметил ни единого партизана...

Свою мини-битву с коричневой чумой бывший белый вождь выиграл, совершив гражданский подвиг (не побоюсь упреков патетике и в тавтологии). Ему снова хотелось быстрее попасть в Париж...

Такое ненастье,
Что оживает
Загнанная лошадь.

Кито

— Иваныч, отдохни, хватит целый день за бумагами, — укоряла супруга Ксения Васильевна.

— Подожди, Асенька, еще немного.

— Сколько можно, ты же знаешь, что говорят врачи.

— Знаю, но это очень важно!

— Да у тебя все важно. Что ты читаешь? — Ксения Васильевна заглянула в бумаги мужа через его плечо и прочитала вслух: — «Обращение главнокомандующего Добровольческой армией...». Но ты их регулярно пишешь.

— Да это было прошлой осенью. Но сегодня оно звучит очень злободневно. Вот послушай. — Антон Иванович поправил очки и с некоторым пафосом принялся читать жене: — *«Двадцать седьмую годовщину основания Добровольческой армии мы вспоминаем в обстановке, весьма отличной от той, которая существовала в последние четыре года. Но не менее сложной, вызывающей целую гамму противоречивых чувств и застающую русскую эмиграцию опять на распутье. А подонки ее — вчерашние мракобесы, пораженцы, гитлеровские поклонники — уже меняют личины и славословят без меры, без зазрения совести новых господ положения...»*

Международная обстановка в корне изменилась. Враг изгнан из пределов Отечества. Мы — и в этой неизбежности трагизм нашего положения — не участники, а лишь свидетели событий, потрясавших нашу Родину за последние годы [...]. Мы испытывали боль в дни поражений армии, хотя она и называется Красной, а не Российской, и радость — в дни ее побед. [...]

Но не изменилась обстановка внутрироссийская. В дни, когда весь мир перестраивает свою жизнь на новых началах международного сотрудничества, социальной справедливости и самодетельности от эксплуатации капиталом и государством, не могут народы русские пребывать в крепостном состоянии. Не могут жить и работать без самых, хотя бы необходимых, условий человеческого существования: основных свобод, раскрепощения труда, упразднения кровавого произвола НКВД, суда независимого, равного для всех, основанного на праве. [...]

Пока этого нет, мы будем идти своим прежним путем, завещанным нам основоположниками добровольчества, какие бы тернии ни устилали нам путь.

Ибо судьбы России важнее судеб эмиграции».

Ксения Васильевна, выслушав супруга, сказала:

— Сильно написано, в твоём стиле!

— Асенька, надо действовать! Мы должны жить в Париже. Там сейчас многое решается. А мы застряли. Последний немецкий солдат покинул Мимизан 24 августа 1944 года, а сегодня уже май 1945 года. Я ничего не могу сделать!

— Иваныч, ну что ты так коришь себя. Обстоятельства сильнее нас. Пока. Ты же видишь, как тебя уважило новое французское начальство. Они, видите ли, не признали за тобой профессии писателя и заломили цену за перемену паспортов 1170 франков! Они же нас пустили по миру!

— Да, этого я от новых сильных мира сего не ожидал. Не случайно коммунисты сегодня во Франции на коне, — с грустью в голосе сказал старик генерал. — И снова, Асенька, мы боремся за существование. Но Марина обещала помочь.

— Поможет, обязательно поможет. Ты же знаешь нашу доченьку. Ей тоже нелегко.

— А-то я не понимаю, — тяжело вздохнул Деникин. — Кстати, послушай, что я ей написал в связи с этими злополучными фунтами. Антон Иванович снова начал читать вслух:

«Ты знаешь, что у меня на черный день осталось 50 ф. (английских фунтов стерлингов. — Г. И.). Пришла сейчас надобность и я отдал их Крячко, прося обменять. Но сегодня прочел в газете, что якобы билеты эти аннулированы. Здесь в этом вопросе разобраться трудно. Во всяком случае, он причинил мне большое беспокойство.

Поэтому прошу тебя сейчас же переговорить по телефону с Крячко и спросить, обменял ли он? Если мои опасения правильны и Крячко ничего сделать не может, то возьми у него билет и постарайся устроить через своих знакомых. Иначе — беда! Это ведь все, что у нас есть...»

— Все правильно, Иваныч, ты написал. А у Марины знакомых много. Она же стала журналистской. Да, вот что: следующий раз в письме сообщи ей, что мы хотели ее услышать по радио, да только шум поймали.

— Обязательно напишу. А вообще, Маришка умница. Теперь еще в газеты писать будет. Я и не подозревал такого таланта у нашей дочери.

Марина действительно в тот момент делала потрясающие успехи в журналистике. Но она в суете повседневных дел ни на минутку не забывала о дочернем долге. Любимые родители были для нее превыше всего. После долгих поисков до-

чери удалось найти отцу с матерью квартиру на парижском бульваре Массена. Причем непростую, а аж целых 3 комнаты, кухня, ванная...

Родители испугались, что квартира станет им не по карману. Антон Иванович с тревогой написал любимой дочери:

«...Ведь у нас никаких средств, почти никаких перспектив, кроме одной, о которой с тобой будем говорить по приезде. Так что пиши скорее, сколько эта квартира будет стоить. А также, каким путем и кто тебе предложил, насколько этот источник достоверен?»

Квартиру предоставили друзья будущего мужа Марины Антоновны. Смогла она решить и вопрос с обменом 50 фунтов стерлингов. Родители с котом Васей выехали из Мимизана на грузовичке капитана Латкина.

С 30 мая и до конца ноября 1945 года начался кратковременный период жизни престарелого генерала в послевоенном Париже.

Кроме вечного безденежья, Антона Ивановича угнетала обстановка, сложившаяся во Франции после разгрома гитлеровской Германии.

Деникин гордился тем, что народы России победили фашизм. Однако небывалый рост авторитета СССР как победителя Гитлера вызывал у бывшего вождя Белого движения раздражение, потому что на его Родине правили ненавистные ему большевики (правда, правили уже совсем другие вожди, большевизм эволюционировал...).

Следовательно, по логике генерала, подъем авторитета Советского Союза на международной арене — это укрепление позиций сталинского режима и мирового коммунизма. Например, огромный рост коммунистического движения во Франции после освобождения ее от фашистской оккупации, что с неудовольствием наблюдал генерал Деникин. Стереотипы антикоммунистического мышления в данной ситуации сработали у бывшего главкома ВСЮР безотказно.

У Антона Ивановича вызывало озабоченность и тревогу то, что отдельные деятели белой эмиграции под впечатлением победы советского народа в Великой Отечественной войне, по его личной оценке, пошли «на поклон к большевикам». Он считал, что с большевиками пытаются вступить в контакт те, кто пресмыкался перед немцами, «прихвостни, мракобесы и, к сожалению, подлинная русская интеллигенция, мягкотелая, ничему не научившаяся...».

Генерал искренне возмутился действиями группы политических и общественных деятелей белой эмиграции, которые посетили 12 февраля 1945 года посольство СССР во

Франции, где имели беседу с послом А. Е. Богомоловым. Бывший главком ВСЮР счел подобные деяния как сдачу антикоммунистических позиций белой эмиграции.

Был еще один момент: после войны образовалась вторая волна эмиграции. В основном те, кто бежал с нацистами, но не только (например, военнопленные, которые чудом избежали насильственной депортации в СССР в соответствии с Ялтинскими соглашениями 1945 года). Отношение к этой волне в нашей стране было однозначно негативное, *но значительно потеплело отношение к первой волне*, в которой обнаружилось немало искренних патриотов, участвовавших в движении Сопротивления, в войсках союзников, это были тысячи людей.

Только во Франции погибло, по далеко не полным подсчетам, 100 русских эмигрантов — участников подпольной борьбы с немецкими оккупантами. Обессмертила свое имя легендарная мать Мария (Е. Ю. Кузьмина-Караваева), эмигрантка, активная участница французского движения Сопротивления.

Она мужественно заявляла по поводу Гитлера буквально следующее: «...во главе “расы господ” стоит безумец, параноик, место которому в палате сумасшедшего дома, который нуждается в смирительной рубахе, пробковой комнате, чтобы его звериный вой не потрясал вселенной».

Мать Мария бесстрашно шагнула в газовую камеру концлагеря Равенсбрюк вместо другой заключенной — молодой женщины. Мир праху вашему, русские патриоты!

Возмущала старого генерала до глубины души внешняя политика Сталина. Она заставляла его опасаться наихудшего. «Зоны влияния», распространившиеся на треть Европы, являлись прелюдией полного порабощения Прибалтики, Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии и части Германии. Не породит ли этот не знающий меры экспансионизм новых бесчисленных врагов России.

«Порабощенные страны, доведенные до отчаяния, в один прекрасный день восстанут против своего угнетателя, тогда небывалая угроза нависнет над нашей страной. Будут поставлены под вопрос ее территориальная целостность и ее независимость...» — писал Антон Иванович.

Он все больше стал задумываться о целесообразности его пребывания во Франции. Тем более во Франции, по личной оценке генерала, «стало душно» — нет свободной печати, так как русские газеты выходят под «прямым или косвенным советским контролем». Деникину была закрыта возможность высказывать свои взгляды в печати.

В 1945 году старый воин почувствовал, что вокруг его имени началась какая-то непонятная суета. И он, по утверждению Н. С. Тимашева, автора предисловия к первому изданию мемуаров Деникина «Путь русского офицера», «от греха подальше, дабы не искушать судьбу, из Франции уехал за океан, где и остановился в США».

В письме Колтышеву Антон Иванович высказывал тревогу по поводу того, что после Второй мировой войны в белоэмигрантской среде расплодилось немало сексотов НКВД. Их надо особо опасаться. Не исключено, что и сам Колтышев был связан с советскими спецслужбами. Марина Антоновна в частном письме автору этих строк от 7 июня 1999 года сообщила небезынтересные сведения:

«В Париже лучший и как будто верный друг был полковник Колтышев. (Он скончался не так давно в доме для престарелых около Парижа.) Отец ему доверял как никому другому — и вдруг перед отъездом родителей в Америку что-то произошло — как будто мама застала Колтышева, когда он рылся в папиных личных бумагах. Говорили тоже, что он навестил советские власти, как только появился в Париже... Папа мне об этом написал только из New York'a, не совсем ясно, но прося меня избегать Колтышева и не доверять ему. А он как раз очень часто ко мне приходил. Письма от родителей я не прятала. А вот именно это письмо исчезло — никак мне не удалось его найти...»

В памяти Деникина, надо полагать, были еще свежи эпизоды похищения агентами НКВД руководителей РОВС генералов Кутепова и Миллера. Все это создавало для Антона Ивановича душевный дискомфорт.

Советскому правительству было известно о патриотической позиции Деникина в годы Второй мировой войны. Сталин не ставил вопрос перед правительствами антигитлеровской коалиции о насильственной депортации Деникина в СССР, как, например, атамана Краснова и других ему подобных коллаборационистских деятелей. Однако об этом Антон Иванович не знал.

И конечно же, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что материальное положение Деникина во Франции катастрофически ухудшалось.

— У него было отчаянное финансовое положение, — сообщила в 1967 году Марина Антоновна советскому журналисту М. Сагателяну. — Франк тогда совсем ничего не стоил, и на пенсию, которую папа получал от русского монархического фонда, уже нельзя было прожить и нескольких дней. А тут вдруг пришло предложение от американского изда-

тельства писать мемуары, но с обязательным условием переезда в Америку. И отец в конце концов согласился.

Небезынтересно свидетельство нью-йоркской эмигрантской газеты «Новое русское слово». Оно позволяет расставить некоторые акценты. Газета писала о том, что отъезд бывшего вождя Белого движения из Парижа 5 декабря 1945 года вызвал много толков. При этом особое внимание в публикации «Нового русского слова» делается на следующем обстоятельстве: отъезд генерала Деникина из Парижа в Америку следует непосредственно увязывать с усиливающимся во Франции советским влиянием.

...Антон Иванович уезжал за океан. Это не была поездка в никуда. В США обосновались бывшие офицеры царской армии, видные деятели Белого движения, которые обещали своему бывшему вождю всемерную помощь. И из Европы в Новый Свет уезжали многие белые офицеры. Один из них — Валериан Августинович (ставший вскоре мистером Монвитом) предложил Деникину свой дом в Форест хилле, в одном из кварталов Нью-Йорка, и обещал найти издателя для публикации книги «Моя жизнь».

Решение принято. И тем не менее старому воину стало грустно... Он задал вопрос дочери: «Поедешь ли ты с нами?» — и разочарование. Марина Антоновна отказалась: она не хотела уезжать из Парижа, где у нее была любимая журналистская работа и где жил человек, чьей женой она хотела стать. А тут еще бюрократические сложности с переездом.

Шли дни, заполненные бесконечными хлопотами: визиты в консульство, в посольство, к врачам, на которых была возложена обязанность выдавать свидетельства о здоровье. Наконец в двух нансеновских паспортах были поставлены по две печати: транзитная английская виза и американская эмиграционная виза.

21 ноября 1945 года Деникины, доверив дочери старого кота Васю, уехали в Дьепп. Они хотели провести три или четыре дня в Лондоне, а затем сесть на корабль, отбывающий в Соединенные Штаты.

В поезде, идущем из Ньюхевена в Лондон, жена Деникина написала короткое письмо капитану Латкину, одному из тех бывших бойцов белой армии, которых не соблазнило пение советских сирен:

«Весь путь через Ла-Маниш я пролежала на кушетке. А. И. (Деникин) сначала прогуливался по палубе, потом задумал истратить все франки, которые у нас остались, — 400 франков, роскошно пообедав. Ему подали жаркое из баранины с карто-

фелем и зеленой фасолью, английский сыр, в больших количествах, хлеб (белый!), масло и три чашки кофе. И как вы думаете, сколько все это стоило? Всего лишь 50 франков!

В Ньюхевене английский носильщик, взяв наш багаж на судне, донес его до поезда и настоял на том, чтобы дать мне сдачу с купюры в 50 франков. Зато наш французский носильщик в Дьеппе состроил кислую мину, когда я ему протянула 100 франков...»

30 ноября Ксения Васильевна написала дочери:

«Мы еще в Лондоне. Наше судно потерпело аварию и стоит на ремонте в доке. Мы сядем на более быстроходное судно и доплывем до Нью-Йорка за четыре дня вместо шести-семи, которые предусматривались первоначально. Наше судно называется «Королева Елизавета».

Твой отец чувствует себя хорошо, но я нахожу, что он слишком много ест и мало двигается.

Как дела у маленького Мишунни и старого Васи? Мы обнимаем вас всех троих.

Через несколько дней будем в Нью-Йорке».

Что же их ждет за океаном?

ЛЕНТОЧКА МОЯ ФИНИШНАЯ...

*Неведома печаль мне на кладбище,
Сюда ведь только тело отнесли...*

Н. Белоконева

— Ася! Я пишу Колтышеву, что русский Нью-Йорк встретил нас приветливо. Ты как считаешь? — спросил супругу Антон Иванович.

— Согласна. Но что будет дальше?

— Поживем — увидим!

Начало действительно было для Антона Ивановича неплохим, что видно из письма Ксении Васильевне дочери от 8 декабря 1945 года:

«Дорогая Марина!

Вот мы и приехали. К сожалению, наше судно подошло к причалу так рано, что в темноте еще невозможно было разглядеть ни статуи Свободы, ни небоскребов!

Нас встречали офицеры эмигрантской службы, благодаря им мы сошли на берег быстро и без всяких затруднений. На набережной как рой мух на нас набросилась толпа журналистов. Один из них даже пощупал пальто твоего отца, чтобы понять, из какой ткани оно сшито! На их вопросы мы отвечали

жестами, чтобы дать им понять, что не знаем английского. Сопровождающие нас офицеры говорили за нас. В конце концов они заставили нас пройти через запасную дверь, где ждала машина. Нам почти не удалось посмотреть город, так как Августиневич живет на окраине. Движение на улицах мне показалось ужасным, но водители столь дисциплинированы, что и ребенок без труда может пересечь любую улицу.

Я ужасно устала, но твой отец, казалось, чувствовал себя прекрасно. На пароходе он прекрасно ел и прекрасно спал. Наши соотечественники заполнили дом еще вчера, с момента нашего приезда. Последние посетители ушли в полночь, а сегодня все началось сначала.

Нам сказали, что здесь есть известный врач, лечивший Рузвельта, по происхождению русский. Предложили свозить к нему в ближайшую среду. Я согласилась.

Мне трудно ориентироваться в деньгах, но здешние цены кажутся мне низкими. Один ананас — хороший нечищенный ананас — стоит 50 центов (25 французских франков), а три красивых грейпфрута — 20 центов. Здесь нет ни литров, ни метров, ни килограммов. Двери и окна закрываются не так, как во Франции. Нужно всему переучиваться, а это не так легко в наши годы.

В комнатах так тепло, что мы ходим без шерстяной одежды. Все надо мной смеются, что я, выходя из комнаты, тушу свет. Мне говорят, что не к чему экономить электричество, поскольку оно ничего не стоит благодаря Ниагарскому водопаду.

Обязательно спроси Латкина, должны ли мы ему отдать деньги, которые у него заняли во франках и долларах? Как себя чувствует наш старенький Вася?»

А вот что супруги в совместном письме сообщают капитану Латкину 10 декабря 1945 года.

«Дорогой Петр Михайлович!

Вот мы и в самом большом городе мира. Он произвел на нас невообразимое, грандиозное впечатление, для нас это поистине новый свет! Мосты высотой в три этажа и длиной в три километра, самые маленькие туннели — три-четыре километра. Небоскребы окружены большими садами. Кругом благоденствие и комфорт.

В аптеках продаются сэндвичи, книжки для детей и погребальные венки, там же можно выпить кофе. У сапожников можно видеть сидящих без обуви клиентов, читающих журналы в ожидании ремонта их ботинок. В химчистке вам предлагают раздеться в отдельной кабине и через некоторое время приносят вычищенные костюм или платье.

Мы свели знакомство со многими соотечественниками и встретили старых друзей. А. И. встретился с двумя офицерами, которые в 1916 году служили в его Железной дивизии. Как вы меня и просили, я послала вырезки из журналов, касающиеся приезда А. И. Одна — из самой толстой газеты «Таймс». Я не знаю, сколько в ней страниц, но весит она добрые полфунта. Вы увидите, что эта статья менее фантастична, чем другие. Но нужно признать, что все они довольно благожелательны.

Здесь не нужно делать обязательных визитов в комиссарии и префектуры, не нужно обновлять удостоверение личности, здесь не существует продовольственных карточек. Никто и не думает обращаться с вами как с грязными иностранцами, но здесь... все такое другое! Колонию русских не связывают внутренние связи, каждый живет сам по себе. Я вспоминаю о вас и обо всех наших парижских друзьях. Как вы, наверное, страдаете от холода.

Передаю перо А. И.

Нью-Йорк нас встретил весьма приветливо. Многих людей уже видел. Успел и Богу помолиться — в воскресенье, в день святого Георгия, причем настоятель храма особенно подчеркнуто поприветствовал меня, старейшего Георгиевского кавалера... Осматриваемся, ориентируемся, изучаем быт, решительно непохожий на «французский».

После морского переезда жену до сих пор немножко «укачивает». Я же чувствую себя удовлетворительно. С завтрашнего дня оба начинаем лечиться по американской системе. Посмотрим, что из этого выйдет. Наш адрес: Mr Denikin 109—15 Queens Blvd. Forest Hill. New York».

А между тем политика, с момента схода старого воина с трапа корабля на американскую землю, накрыла его с головой.

О прибытии Деникиных в США первой сообщила выходящая в Нью-Йорке газета эмиграции «Новое русское слово». Только ее корреспонденту Андрею Седыху (Якову Цвибаку) Антон Иванович дал интервью, которое затем было перепечатано в американских изданиях. Андрей Седых отметил: генерал почти не изменился внешне за последние пять лет:

«Тот же твердый, стальной взгляд, все та же осторожность, точность выражений». Политические взгляды бывшего главкома ВСЮР остались антибольшевистскими: «Он по-прежнему с русским народом, но не с советской властью». Антон Иванович в США «найдет свободную трибуну и возможность защищать свои политические идеалы».

К величайшему удивлению старого белого воина, вскоре и левая и правая пресса развернула на своих страницах кампанию против него.

Правые круги эмиграции упрекали генерала в том, что он выбрал для первого интервью газету, редактором которой является еврей Вейнбаум, печатает которую еврей Шимкин, а интервью берет Седых.

Коммунистические и еврейские газеты выступали с нападками на Антона Ивановича, называя его «организатором погромов, который сейчас обосновался в Соединенных Штатах, чтобы дискредитировать нашего советского союзника, объединить реакционные силы и готовить третью мировую войну». По их призыву в Нью-Йорке состоялось несколько манифестаций с требованиями немедленной высылки Деникина из США. Одна из этих демонстраций (впрочем, последняя) состоялась 5 февраля при входе в Манхэттенский центр. Около 30 человек размахивали плакатами с угрожающими лозунгами, но не входили в зал, где проходило публичное выступление бывшего вождя Белого дела.

Обвинения в газетах публиковались несколько недель. Деникин отправил письмо своему старому другу Лельявскому, живущему в Ницце:

«Времена действительно смутные и подлые. И на себе лично испытываю их давление. Коммунистические, просоветские и еврейские организации стараются всеми силами помешать моей работе, подняв кампанию против меня в прессе, путем митингов и протестов, обращенных к правительству. К тому же начавшаяся с весны прошлого года болезнь (расширение аорты) не прекращается. Тем не менее продолжаю бороться и не теряю надежды. И вы не падайте духом».

Упоминавшийся выше белоэмигрант Мирон Рейдель утверждает, что в США русская эмиграция не приняла Деникина:

«Во-первых, простолюдин, сын солдата, во-вторых, проиграл войну с большевиками».

К тому же русские эмигранты в США были расслоены. Видимо, доля истины в рассуждениях Рейделя есть. Но вряд ли их стоит принимать безоговорочно. Тем более что сам Рейдель заключает свои рассуждения по проблеме следующим обобщением:

«Если припомнить о Деникине, у нас вообще предпочитали молчать, особо не ругали, грязью не поливали...»

В первое время круг общения Деникина с русской эмиграцией был маленьким. Людей, которых он знал по прежней

деятельности, в Нью-Йорке проживало мало, всего пять-шесть человек. Из них самым близким человеком стала графиня Софья Владимировна Панина, одна из выдающихся русских женщин. Она была известна на всю Россию своей культурно-общественной деятельностью и созданием Народного дома в Петербурге.

Панина была выбрана Антоном Ивановичем одним из двух «душеприказчиков» в его завещании. Другим был полковник А. А. Колчинский, близкий родственник генерала Л. Г. Корнилова. Завещание это от 29 сентября 1942 года было составлено генералом во время немецкой оккупации «на случай ареста и гибели» его и жены.

Через графиню Панину и других своих старых друзей Антон Иванович быстро расширил круг знакомств с американцами русского происхождения. Их привлекли в Деникине окружавший его ореол первых легендарных походов, твердость, честность и гражданское мужество. Новым знакомым генерала запомнились глаза из-под густых нависших бровей, глаза большие, умные, с твердым, пронизывающим взглядом и в то же время с оттенком глубокой печали. Глаза человека, много пережившего.

Генерал внимательно следил за послевоенной политикой СССР. Он оценивал ее как наглую, провокационную, угрожающую бывшим союзникам, поднимающую волну ненависти.

Деникин считал, что такая политика может «обратить в прах все, что достигнуто патриотическим подъемом и кровью русского народа».

Я полагаю, что Антон Иванович здесь, безусловно, предвзят, тенденциозен в оценке внешней политики СССР после Второй мировой войны. Но нельзя не подчеркнуть, что его мысли адекватно отражают личные убеждения. Он считает, в духе своего антисоветского кредо, политику СССР политикой «коммунистического империализма», с которой эмиграция не должна ни в коем случае солидаризироваться: «Иначе лозунг “Защита России” станет пустым звуком».

Наблюдая рост коммунистического движения на всех континентах, Деникин начинает опасаться, что вчерашние союзники — США и Англия могут начать вооруженную борьбу. Он еще не видит, но интуитивно чувствует возможные симптомы будущей «холодной войны».

Подобное столкновение грозило бы русскому народу неисчислимыми бедствиями. Предотвратить столкновение вчерашних союзников по антигитлеровской коалиции Анто-

ну Ивановичу казалось почти невозможным. И поэтому он решил предложить власть имущим в демократических странах те меры, которые в случае войны оградили бы страну его — Россию — от раздела и чужеземного ига. И генерал Деникин решился в июне 1946 года на посылку записки-меморандума правительствам Англии и США. В 1998 году «Военно-исторический журнал» опубликовал полный текст письма бывшего вождя Белого движения президенту США Г. Трумэну¹⁵. Антон Иванович сопровождал свое послание такой запиской:

«Ваше превосходительство, принимая во внимание крайнюю опасность событий, могущих предопределить судьбу народов, прошу вас уделить внимание моему письму, в котором выражена русская (антисоветская) точка зрения.

Искренне ваш

А. Деникин,

генерал, главнокомандующий Русской армией (1917—1920)»

В таком решении было что-то патетическое, нереальное. Казалось бы, чего мог добиться человек, имя которого в Соединенных Штатах (если окончательно и непозабываемое) ошибочно связывалось в глазах американской читающей публики с понятием злостной реакции?

Антон Иванович желал служить России, бороться за ту же «Великую, Неделимую...». Он считал нужным довести до сведения Вашингтона и Лондона мнение тех, кто с его точки зрения представлял интересы не СССР, а подлинной России.

Анализ данного документа позволяет считать, что генерал предсказывал начало новой войны между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции и опасался этого. Причем, ослепленный личными антикоммунистическими догматами, бывший главком ВСЮР полагал, что войну начнет именно Сталин под знаменем мировой революции. И в случае вооруженного конфликта между СССР и Западом антибольшевистская коалиция не должна повторить основной ошибки, допущенной Гитлером.

«Если западные демократии, — писал он, — спровоцированные большевизмом, вынуждены были бы дать ему отпор, недопустимо, чтобы противобольшевистская коалиция повторила капитальнейшую ошибку Гитлера, повлекшую разгром Германии. Война должна вестись не против России, а исключительно для свержения большевизма. Нельзя смешивать СССР с Россией, советскую власть с русским народом, палача с жертвой. Если война начнется против России, для ее раздела и балканизации (Украина, Кавказ) или для отторжения русских зе-

мель, то русский народ воспримет такую войну опять как Отечественную.

Если война будет вестись не против России и ее суверенности, если будет сохранена неприкосновенность исторических рубежей России и прав ее, обеспечивающих жизненные интересы империи, то вполне возможно падение большевизма при помощи народного восстания или внутреннего переворота».

Ах, Антон Иванович, искренне хотевший блага своему Отечеству! Стал он, не ведая, что творит, идеологом «холодной войны». Метил в коммунизм — попал в Россию.

Между тем, я полагаю, что нет оснований для утверждений, которые присутствуют в редакционном комментарии к опубликованному «Военно-историческим журналом» документу. Редакция считает, что позиция Деникина сходится с позицией генерала Власова и других коллаборационистов. Аргумент — бывший вождь Белого движения якобы приветствует будущую агрессию против СССР и призывает делать в ней ставку на антикоммунистов, в том числе из числа бывших коллаборационистов.

Думается, делать такие серьезные негативные далеко идущие выводы, приведенные выше, о деятельности столь крупной исторической фигуры, как генерал Деникин, опираясь лишь на один, пусть и неординарный документ, — демонстрация излишней категоричности и поспешности при отсутствии достаточно весомых аргументов. Видимо, редколлегия журнала легковесно отнеслась к подготовке редакционного комментария к деникинскому документу, что, между прочим, не является типичным для столь солидного научного издания, коим, по моему глубокому убеждению, является «Военно-исторический журнал».

В то время в государственном департаменте США шел поиск путей ответа на усиление политического влияния СССР на международной арене. Американский дипломат, специалист по России Дж. Кеннан 2 февраля 1946 года, работая в посольстве США в Москве, в телеграмме в Вашингтон изложил основные принципы политики «сдерживания».

По его мнению, правительству США надлежало жестко и последовательно реагировать на каждую попытку Советского Союза расширить сферу своего влияния.

«Для того чтобы успешно противостоять проникновению коммунизма, странам западной цивилизации следовало стремиться к созданию здорового, благополучного, уверенного в себе общества. Только в таком качестве можно было приобрести иммунитет от коммунистических идей».

Правда, тот же Дж. Кеннан, который после войны был принят в СССР радушно, писал:

«Русские, как еще раз подтвердила моя поездка, привлекательный народ... Народ и режим диалектически взаимосвязаны, поэтому нельзя помочь народу, не помогая режиму, и нельзя нанести ущерб режиму, не нанося ущерб народу. Посему лучше... оставить все, как есть. В конечном итоге это их тяжкое положение, а не наше...»

Интересно, где Дж. Кеннан более искренен? А что бы он сказал, если бы, к примеру, Сталин не отверг «план Маршалла»?

И хотя эскалация напряженности между СССР и западными демократиями сразу после окончания Второй мировой войны пока не столь ощущалась, Деникин, проявив незаурядные аналитические способности, смог верно определить на базе имеющегося у него материала, почерпнутого только из открытых источников, одну из основных тенденций в истории мировых цивилизаций после 1945 года — балансирование на грани войны между образовавшимися двумя диаметрально противоположными экономическими, социально-политическими и духовными системами — капиталистической и социалистической.

Даже больше. Речь шла не только о конфронтации социализма и капитализма. Их в чистом виде уже не было. Можно ли называть социализмом, что было построено у нас? Государственный казарменный социализм? Пожалуй...

Капитализм после Второй мировой войны быстрыми темпами менял свой облик на другой, тот, что сейчас принято называть «постиндустриальным обществом». На повестку дня был поставлен ребром вопрос об образовании двух сверхдержав, которые притягивали к себе почти на равных другие страны.

Мир коренным образом изменился после войны. Он стал биполярным — в этом суть. Но главному претенденту на мировое господство — США — сильная Россия, существовавшая в виде СССР, была не нужна и опасна.

Деникин что-то уловил, но, не зная глубинной картины, скользил по поверхности. В записке-меморандуме можно усмотреть его отчаянную попытку заявить себя в качестве активного политического деятеля в правительственных кругах США. Но американское правительство оставило аналитическую записку бывшего вождя Белого движения без внимания.

Вторая проблема, по которой апеллировал Деникин в правительственные круги США, — проблема бывших советских военнопленных, выдаваемых, в соответствии с достиг-

нутыми договоренностями, правительству СССР. Генерал, пытаясь объяснить мотивы, заставившие их надеть немецкую форму, доказать невинность этих людей, сдача которых советскому командованию однозначно обрекала их на смерть, написал статью о власовцах. Ее перевели на английский язык, и генерал предложил ее нескольким американским газетам. Статью, однако, нигде не взяли. 31 января 1946 года Деникин обратился непосредственно к генералу Эйзенхауэру.

«Ваше превосходительство!

Я читал в газете «Таймс» о тех ужасах, которые происходят в лагере Дахау, который находится в настоящее время в ведении американской администрации и где заключены русские военнопленные — власовцы. Они предпочитают смерть выдаче советским властям. Я читал о том, как они вонзали себе пальники в грудь и медленно умирали в страшных мучениях, как поджигали свои бараки и в огне срывали с себя одежду для того, чтобы сгореть быстрее. Смерть они предпочитали пыткам в казематах ГПУ.

Могу себе представить, что испытывали американские офицеры, оказавшиеся вынужденными свидетелями и соучастниками этих ужасов. [...] Мне хочется верить, что вы не знаете подлинной истории этих людей, я могу попытаться изложить вам ее.

Я знаю, ваше превосходительство, о существовании некоторых положений Ялтинского соглашения, но знаю также, что человеческая свобода (хотя она часто попирается) и права политического убежища остаются демократическими традициями.

Кроме того, существует кодекс военной этики, осуждающий насилие по отношению к поверженному врагу. И наконец, милосердие и справедливость предписывает нам также и христианская мораль.

Я обращаюсь к вам, ваше превосходительство, как солдат к солдату, и надеюсь быть услышанным».

Начальник штаба Эйзенхауэра генерал Томас Гарди в своем вежливом ответе подчеркнул ссылаясь на Ялтинские соглашения и давал понять нецелесообразность дальнейшего ходатайства. Мало-помалу Деникин осознал, что ненависть американцев ко всем, кто носил немецкую форму, была еще очень свежа, как и их наивная вера в возможность длительного сотрудничества с советскими союзниками, которых лучше было не гладить против шерсти.

Союзники выполнили свои обязательства. Всего было репатрировано в СССР при помощи английских и американ-

ских войск 2 272 000 советских и приравненных к ним граждан. Судьба их трагична: 20 процентов из числа возвращенных в СССР получили смертный приговор или 25 лет лагерей; 15—20 процентов — срок от 5 до 10 лет; 10 процентов — ссылку в отдаленные районы Сибири, где пробыли не менее 6 лет; 15 процентов — принудительные работы по восстановлению разрушенных войной районов.

Акция Деникина заведомо была обречена на провал. Но со стороны старого генерала, жизни которому оставалось на донышке, это был искренний порыв души, а не популистская игра.

Трагедия Деникина-политика в «американский период» его деятельности обострялась тем, что бывший вождь Белого движения не разобрался до конца в радикально изменившейся международной обстановке. Он пытался внести весомый вклад в антикоммунистическую борьбу, а фактически лил воду на мельницу идеологов «холодной войны». Американцы — прагматики в политике: генерал Деникин не был востребован послевоенными антикоммунистическими силами, так как их расстановка была иной. Главное же заключается в том, что белая эмиграция окончательно перестала представлять реальную угрозу СССР и мировому коммунизму.

Сыграл отрицательную роль и временной фактор. Антонова Ивановича стали постепенно забывать в правительственных кругах западных стран. Не случайно в ответе на его письмо из штаба Эйзенхауэра к нему обратились вежливо «мистер Деникин», хотя генерал указал в письме свое воинское звание. Видимо, новое поколение американских военачальников слабо представляло, что они отвечают на письмо знаменитого в свое время вождя Белого движения.

Да и в среде белой эмиграции его имя постепенно стиралось.

Протоиерей Борис Старк, несший службу в русской православной церкви Сен-Женевьев-де-Буа-под Парижем в 1946 году, записал в синодиках, что Марина Антоновна Грей хоронила двух своих сыновей*, а Антон Иванович, к удивлению священнослужителя, не присутствовал на кладбище.

Старк и словом не обмолвился, что бывший главком ВСЮР находился в это время в США, и его появление на похоронах было весьма проблематичным. Можно предположить, что протоиерей не знал вообще об убытии Деникина в США.

---

*В личном письме Марина Антоновна сообщила мне, что она хоронила не сыновей, а дочерей. — *Прим. авт.*

Однако сам Деникин не сидел сложа руки. В отдельных эмигрантских кругах его имя о многом говорило. Так, ре-эмигрант Б. Н. Александровский писал, что в 1946 году бывший вождь Белого движения «встал из политического гроба».

— Я продолжаю, как и раньше, только сейчас больше, чем в прошлом, трудиться для интересов России, — говорил Антон Иванович своей дочери.

Но бороться за свои идеалы ему оставалось только пером... Силы покидали старого генерала. И он чувствует это. На одной из своих фотографий, хранящихся в ГАРФ, Антон Иванович написал:

«Мне осталось два года, чтобы завершить две мои работы. Я надеюсь, что Бог даст мне благословение. Коннектикут, США, 1946».

Не дано нам узнать: верил ли действительно Антон Иванович, что сможет еще протянуть два года. Но работал он в это время так, как будто каждый час жизни был последним. В предсмертной своей статье «В советском раю» генерал Деникин остается верным своим представлениям об идеале, он клеймит пороки сталинизма, выражая сочувствие своему народу.

Здоровье генерала улетучивалось ежеминутно. Лечение требовало денег, которых у Деникиных все время не было. Скупой на разговоры о себе, генерал только итожил: «У меня нет здесь экономической базы». В переводе на простой язык это означало, что у него не было ни копейки за душой.

Начало «материальной базы» было положено 5 февраля 1946 года, когда семьсот слушателей заплатили по доллару, чтобы послушать выступление Деникина на второй конференции в Манхэттенском центре. А до этого в январе 1946 года он прочитал в Нью-Йорке первую лекцию «Мировая война и русская военная эмиграция», весь сбор от которой передал, несмотря на свое плачевное финансовое состояние, в фонд русских воинов-ветеранов.

Но постепенно и в финансовых делах замаячил свет в конце тоннеля. Неяркий, но все же свет. Антон Иванович расширял «экономическую базу» посредством изнуряющего литературного труда.

И с этой целью был привлечен Николай Романович Вреден, занимавший ответственную должность в одном из больших книгоиздательских предприятий в Нью-Йорке. В юности Вреден тоже участвовал в Белом движении. Он относился с большим уважением к Антону Ивановичу и ценил его писательский талант. Вреден сразу заинтересовался книгой,

над которой работал тогда Деникин (автобиография), и предложил Антону Ивановичу содействие в издании в переводе ее на английский язык.

Вроде жизнь вошла в спокойное русло: Деникин подписал соглашение с издательством «Э. П. Даттон» о публикации своей книги «Моя жизнь» и нового труда, который он начал в Соединенных Штатах, — «Вторая мировая война. Россия и эмиграция» (правда, условия контракта были жесткими: Антон Иванович был обязан выдавать по 50 страниц ежемесячно). Кроме того, генерал приступил к написанию исторического исследования «Навет на Белое движение» (ответ на книгу генерала Н. Головина «Российская контрреволюция»).

С началом весны 1946 года Деникина можно было часто увидеть в нью-йоркской публичной библиотеке на 42-й улице. Углубившись в чтение, с карандашом и бумагой он сидел за одним из больших столов в славянском отделе на втором этаже. Скромный сандвич в маленьком пакете, приготовленный дома, был единственным получасовым перерывом в усидчивой и кропотливой работе. Сбор и проверка материалов, касающихся действий на русском фронте в Первую мировую войну (а он чрезвычайно ответственно относился к отбору фактов), были тяжелой, почти каторжной работой.

Генерал не успел закончить свои исторические исследования. Они никогда не публиковались. Хранятся в виде рукописи в Русском архиве Колумбийского университета (США). Некоторые материалы этих работ использовал Лехович в своем биографическом труде о вожде Белого движения. Судя по ним, можно утверждать: в последние два года жизни Деникин выполнил оригинальные научные работы. Кто знает, быть может, когда-нибудь они дойдут до российского читателя...

В 1953 году, через шесть лет после смерти Антона Ивановича, его незаконченная биография была издана на русском языке издательством имени Чехова в Нью-Йорке. Созданное на средства «Форд Фаундешон», это издательство за короткий срок своего существования обогатило русскую мемуарную литературу многими ценными произведениями. «Путь русского офицера» — последняя, незавершенная работа генерал Деникина.

Судя по утверждениям вдовы генерала, Антон Иванович предполагал закончить «Путь русского офицера» так, чтобы «Очерки русской смуты» являлись естественным продолжением, «осветив, таким образом, эпоху жизни России от 1870 до 1920 года». Но смерть ему помешала. «Путь русского офи-

цера» охватывает в хронологических рамках период со дня рождения автора до его участия в подготовке знаменитого Брусиловского прорыва, в котором он сыграл одну из видных ролей. Книга состоит из шести частей. Автор старается придерживаться хронологии событий, что подразумевается законом жанра автобиографии и мемуаров. Однако Деникин в отдельных местах допускает пространные суждения о проблемах, волнующих его.

Книга — превосходный, почти летописный документ о времени и о себе, написанный сердцем, но со знанием дела, анализом событий и явлений. Автор стремится быть объективным, он не идеализирует прошлого, не впадает в гротескность или карикатурность при описании противников. Строгость, достоверность, корректность и благородство — вот стиль автобиографии «Путь русского офицера». Последние страницы — незаконченные аналитические размышления.

Может выглядеть символичным, что рукопись книги обрывается телеграммой генерала Алексеева в 1916 году в период подготовки Брусиловского прорыва. Деникин как бы не хочет остаться в памяти потомков только мемуаристом, а претендует и на роль исследователя.

Работа над книгой давала стимул к жизни. Но время — вещь неумолимая. Антон Иванович приближался к ленточке своей финишной...

К середине 1947 года грудная жаба стала для Антона Ивановича почти невыносимым мучением, и «беспричинные» схватки не давали ему покоя. Тем не менее, чтобы избежать летней жары в Нью-Йорке, Деникины решили воспользоваться приглашением одного из своих знакомых провести у него на ферме летние месяцы в штате Мичиган. Там 20 июля случился у Антона Ивановича сильнейший сердечный приступ. Его сразу же перевезли в ближайший город Анарбор и поместили в больницу при Мичиганском университете. Через три он почувствовал себя немного лучше и попросил жену принести ему рукопись, чтобы продолжать работу над автобиографией. Попутно, для собственного развлечения, составлял крестословицы...

...7 августа 1947 года Марина Антоновна (сын гостил у ее бретонских друзей) ушла на работу, как обычно. Стояла летняя жара, и она оставила окно открытым. Подоконник был так высок, что старый кот Вася не мог на него запрыгнуть. Вечером, однако, дочь генерала не обнаружила кота. Никто не приходил в ее отсутствие. Для животного был один лишь путь — окно. Марина Антоновна спустилась вниз, опросила

трех консьержек, никто ничего не мог сказать. Без всякой надежды она спустилась в подвал и стала звать Васю, но тщетно. На следующий день после полудня (в этот день Марина Антоновна была выходная) она услышала звонок в дверь. Верный белый воин капитан Латкин, слишком взволнованный, чтобы говорить, со слезами на глазах протянул дочери своего бывшего главкома телеграмму: «Оповести Марину, что отец умер. Ксения Деникина».

Первая реакция осиротевшей дочери должна была удивить Латкина:

— Вася уже знал, что его хозяин умер! Вчера он... исчез! Кота так и не нашли...

Умиравший генерал до последней минуты верил в возрождение России, хотя и понимал, что это ему не суждено увидеть. Так и случилось. Генерал Деникин Антон Иванович, не дожив до семидесяти пяти лет три с лишним месяца, скончался 7 августа 1947 года.

...На кладбище Эвергрин, в американском штате Мичиган, состоялась траурная церемония. С воинскими почестями хоронили человека, который никогда не служил в армии Соединенных Штатов Америки. Крепкие молодые парни, стоявшие в почетном карауле, под траурные звуки трубы склонили перед гробом звездно-полосатое знамя. Скорее всего, никто из почетного караула не понял слова молитвы, которую прочитал над покойным православный священник в непривычном для американского взгляда облачении...

Генералу Деникину Антону Ивановичу, русскому генералу, отдали воинские почести при погребении американские солдаты и офицеры. Для этого были юридические основания: бывший вождь Белого движения в годы Первой мировой войны командовал фронтом в русской армии. Россия была союзником США по Антанте.

Можно и, пожалуй, нужно отдать слова уважения тому американскому руководству, что отдало распоряжение похоронить с воинскими почестями русского генерала-изгнанника. В конце концов, отношение к мертвым — показатель уровня цивилизации живых. Но как же обидно, что прославленный боевой генерал русской армии не удостоился последнего «прости и прощай» по русскому воинскому ритуалу.

А впрочем, это судьба...

Sic transit gloria mundi*...

Ксения Деникина пережила своего мужа на двадцать шесть лет. Она стала гражданкой Соединенных Штатов и

---

* Так проходит земная слава (*лат.*).

работала в течение двадцати одного года в департаменте сла-
вянских архивов в Колумбийском университете (Нью-Йорк),
потом вернулась во Францию, где и умерла 2 марта 1973 го-
да. Она похоронена на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Останки боевого русского генерала, сначала похоронен-
ного на кладбище Эвергрин в Детройте (штат Мичиган),
были затем перенесены на русское кладбище святого Влади-
мира в Джексоне (штат Нью-Джерси). На могильной плите
между двумя православными крестами по-русски и по-анг-
лийски выбиты слова:

ГЕНЕРАЛ А. И. ДЕНИКИН

4 ДЕКАБРЯ 1872

7 АВГУСТА 1947

* * *

...Вскрытие тела Антона Ивановича Деникина показало:
шесть инфарктных рубцов на сердце... Кроме последнего,
генерал остальные перенес на ногах... Все рубцы на сердце
Антон Ивановича — рубцы за Россию...

У Антона Ивановича Деникина было последнее желание,
чтобы гроб с его останками со временем, когда обстановка в
России изменится, перевезли в Отечество... Время пришло...

Марина Антоновна рассказала мне, что в конце ноября
2001 года Российское дворянское собрание письменно уве-
домило ее о том, что возникла идея воздвигнуть в Москве
часовню, где захоронить землю, на которой был расстрелян
адмирал Колчак, и перезахоронить прах вождей Белого дела
генералов Деникина и Врангеля.

— А я им ответила, что вряд ли папа на том свете обра-
довался, если бы узнал, что его прах будет покоиться рядом
с прахом Врангеля. Понятно почему. В ваших трудах, Геор-
гий Михайлович, отношения папы и барона хорошо иссле-
дованы... Переписка с Российским дворянским собранием
длилась год. Мне даже прислали макет изображения буду-
щей часовни. Но я отнеслась вначале к этой идее прохлад-
но. Но после аудиенции у президента России Владимира
Владимировича Путина, что состоялась во время его пребы-
вания во Франции, я дала письменное соглашение на пере-
нос праха моего папы из США в Россию. При условии, что
эту проблему начнут решать компетентные органы под эги-
дой правительства России*.

---

* Марина Антоновна познакомила меня в данной связи с официаль-
ной перепиской с правительственными учреждениями РФ. — *Прим. авт.*

Я спросила Владимира Владимировича: «А ваше личное мнение, не как главы государства, а как частного лица, где должен покоем прах моего папы?».

Президент ответил примерно так: боевой русский генерал, патриот Отечества должен обрести вечный покой в московской земле.

И мне стало спокойно. А то начиная с 2002 года по поводу перезахоронения праха папы начинался нездоровый ажиотаж. Появились даже родственники генерала Деникина. Правда, эти родственники в официальных письмах путают инициалы моего папы. Темная история. Но об этом говорить не стоит*...

Что ж, на Руси испокон веку к благородному делу примазывались авантюристы, аферисты, люди без чести и совести. Но бал правят не они. Подобно тому, как солнце не заслонить ладонью, так и проходимцам не ополить историческую память об Антоне Ивановиче Деникине.

Марина Антоновна победила всех аферистов: осенью 2005 года останки Антона Ивановича Деникина были перезахоронены на территории Донского монастыря в Москве.

Мир праху твоему, боевой русский генерал, в земле Отечества, которое ты беззаветно любил.

В 1947 году дочь не стояла у гроба любимого отца, но 58 лет спустя она проводила его в последний путь.

---

* Марина Антоновна ознакомила меня с некоторыми документами, связанными с так называемыми родственниками генерала Деникина, но письменно запретила их вводить в оборот, посчитав, что у нее нет достаточной доказательной базы. Следовательно, не исключены судебные разбирательства. — *Прим. авт.*